

18+

НО ОНИ ТОЖЕ СЛУЖАТ ЗЛУ

Часть первая. Дочь демона

Катерина Карди

Катерина Карди

**Но они тоже служат злу.
Часть первая. Дочь демона**

«Издательские решения»

Карди К.

Но они тоже служат злу. Часть первая. Дочь демона / К. Карди —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-566925-4

Яркие звезды Наземья смотрят вниз, отражаясь в водах Великой Реки. Черны как ночь крылья воронов лорда Марбаса. Под сводами четвертого горизонта вздымают копья легионы дона Бунэ. О маленькая Змену, сирота из приюта, сможешь ли ты найти дорогу домой? Сумеешь ли устоять перед тьмой и злом? Уцелеешь ли в бесконечных интригах и войнах демонов? Неведомый враг уже идет по твоему следу, Змену, и злобой горят его кошачьи глаза. Знай, подземный мир всегда готов помочь, но готова ли ты к его дарам?

ISBN 978-5-00-566925-4

© Карди К.
© Издательские решения

Содержание

Приют	6
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Но они тоже служат злу

Часть первая. Дочь демона

Катерина Карди

Но они тоже служат злу...¹

Редактор М. А. Жуковец

Иллюстратор В. В. Ершкова

© Катерина Карди, 2022

© В. В. Ершкова, иллюстрации, 2022

ISBN 978-5-0056-6925-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Любимая моя сестренка! Если ты спросишь меня, с чего все началось, я отвечу так:

Одним серым осенним днем, среди рабочей суеты чужих интересов и забот (которые меня отчего-то должны были волновать), тихий голос произнес у меня в голове следующие слова:

«Когда Мотави родила дочь, она взяла ее на руки и сказала: „Тебя зовут Змену. И это все, что тебе нужно знать. Когда ты станешь знаменитой, я найду тебя“. – „Нет, – ответила ей Змену. – Это я тебя найду...“»

Я взяла ручку и на первом же попавшемся клочке бумаги записала все в точности так, как ты сейчас это прочитала. Мне захотелось узнать, кто такая эта Мотави и что с ней случилось дальше. Но прежде чем я это узнала, пришли другие персонажи, назвали свои имена и рассказали мне свои истории, связанные между собой так или иначе.

Может быть они, герои этой сказки, вызовут симпатию, заслужат твою улыбку или сочувствие, но вот только среди них нет хороших. Каждый по отдельности или все вместе, хотят они того или нет, но они тоже служат злу.

Приют

*Зловеще скачут тени от ворон багровых —
предвестников времен темнейших и суровых.*

1

Когда Мотави родила дочку, она взяла ее на руки и сказала:

– Тебя зовут Змену, и это все, что тебе нужно знать. Когда ты станешь знаменитой, я тебя найду.

– Нет, – ответила Змену, – это я тебя найду, когда стану знаменитой.

– Ого, ты умеешь говорить? – удивилась Мотави. – Впрочем, это ничего не меняет.

Она положила Змену в колыбель и промолвила на прощанье:

– Тебе предназначено неузнанной идти через сумрак и тени, ты познаешь зло, но не устроишься ночи, как бы черна и сильна она ни была.

Мотави заплела косу, набросила на плечи выцветший платок, спустилась вниз по лестнице – и Змену слышала каждый ее шаг. К остановке через дорогу подошел автобус. Мотави перешла улицу и уехала.

Так Змену осталась одна. Совершенно незначительное происшествие для госпиталя при благотворительном фонде. Таких как Мотави здесь никто не помнит, да и мало ли их – бедняжек и нищенок, которых бросает по свету из неурядиц в неудачи, в скитания и поиски лучшей доли. Совсем рядом за больничной стеной ходили незнакомые люди, врачи и медсестры разговаривали меж собой, дети, сделав первый вздох, заходились криком, матери прижимали новорожденных к груди, и никому не было дела до Змену. Обнаружили ее уже вечером – спящую спокойным сном.

2

Небо заволочло тучами, серый унылый дождь застучал по подоконнику и стеклам бесцветный свой ритм. В комнатах потемнело, и осенняя сырость вползала в квартиру, как бесцветная змея.

Мотави отложила ветхую книгу. Задумчиво и устало она смотрела в самый дальний угол комнаты. Взгляд ее оцепенел, дыхание сделалось редким. Так замирают кошки, глядя в пустоту, на нечто, видимое только им.

Черный кот бесшумно прошел по обитому тканью подлокотнику, забрался на спинку дивана и тихонько глянул из-за плеча Мотави на раскрытую книгу. Он брезгливо фыркнул, увидев на пожелтевшей странице линии и вычерченный в кругу треугольник. Книга эта была семейной реликвией и передавалась от матери к дочери, но теперь Мотави некому было ее передать. Однажды чужие руки коснутся книги – небрежно рванут ветхий переплет, раздирая ее на части, и под ярким дыханием пламени взметнется рой желтых листков, пока не сгорит дотла целая история.. Но Мотави было не жаль ее – пусть горит, думала она, прозревая будущее. И черный кот щурился злыми желто-зелеными глазами. Он не видел пламени в будущем и презирал Мотави, равно как и весь мир вокруг, от шерстяного пледа и старой мебели до тихих шагов на лестнице и приглушенного шума машин, от уютного света лампы до летних неброских сумерек, – словом, всего, что было мило его хозяйке.

Сегодня утром, когда Мотави вернулась после недолгого отсутствия, дом встретил ее почти радостно – умиротворенной тишиной, скрипом половиц и тихим воркованием голубей

на балконе. Все вокруг было таким родным и привычным, все еще цвела нежно-розовая герань на подоконнике, зверобой сушился над плитой, а в буфете пахло корицей и медом. Черный кот, дремавший на пуфе, недовольно разлепил сонные веки, достаивая хозяйку взглядом. Мотави мимоходом потрепала его по загривку, взъерошив шерсть и, довольная его возмущенным шипением, ушла в кухню.

В дверь постучали. Мотави налила полный чайник воды и поставила его на зажженную плиту, затем открыла коробку с чаем, взяла щепотку и бросила ее на дно фарфорового заварника. В дверь постучали еще настойчивее, но Мотави лишь усмехнулась.

Чуть помедлив, она поставила на стол две чашки и села на шаткий табурет. В хлипкую дверь, будто вымещая на ней свою досаду, незваный гость постучал уже со всей силы. Если бы это был кто-то из тех, кого Мотави так опасалась и кого ждала, стука бы не было вовсе.

Чайник засвистел, пар повалил у него из носика. За дверью все стихло, затем послышались возня и звяканье ключей.

Вошедшей женщине на вид было не больше сорока. Черноволосая, с проседью, правильными чертами лица и прямым носом, она имела вид горделивый и печальный одновременно. Ее темные глаза были густо подведены, уголки губ опущены, а тревожный взгляд метался по комнате. Она все еще была красива, но, казалось, навсегда разучилась улыбаться.

– Как всегда вовремя, матушка, – Мотави едва кивнула гостье, нарезая лимон дольками.

– Ты не открываешь дверь, не встречаешь гостей. Все еще злишься на меня? Прошло столько времени...

– Сколько? – Мотави резко выпрямилась, опершись рукой о столешницу, и с размаха всадила нож в разделочную доску. – Как сама думаешь? Сколько понадобится времени, чтобы забыть, что твоя собственная мать тебя же продала?

– Это не так!

– А как?

– Тебя забрали! Я не хотела...

– Может быть ты и не хотела, но ты ничего и не сделала! – перебила Мотави свою мать.

Их голоса делались все громче и яростней – то копившаяся долгое время обида выплескивалась наружу.

– У меня не было выбора! Как не было его у моей матери и моей бабушки. Такова судьба всех женщин нашего рода! Это величайшая честь, которой мы удостоены.

– Мне такая честь была не нужна! – в гневе Мотави смахнула расставленные чашки на пол, осколки брызнули во все стороны.

Она отвернулась, пряча лицо в ладонях, и, пытаясь совладать с собой, прошептала:

– Я об этом не просила.

Мотави было семнадцать лет, когда ее забрали из дома с молчаливого согласия матери. Басиат не вступилась за свою дочь, не заламывала рук, умоляя оставить Мотави – нет, ничего этого не было. Басиат спокойно смотрела, как увозят ее дочь, не проронив ни слова, и еще долго потом в своих ночных кошмарах Мотави видела холодный отстраненный взгляд матери и ее поджатые в высокомерном презрении губы.

О том, что было дальше, Мотави никому не рассказывала. Она предпочла бы все забыть и жить без мрачных образов прошлого и тягостных воспоминаний, но память была сильнее настоящего. И потому, вернувшись через восемь лет домой, Мотави не осталась с матерью, а поселилась в маленькой скромной квартире, где ее добровольное затворничество разделял только безымянный кот.

Басиат собрала разбитую посуду, достала из буфета новые чашки и разлила все еще горячий чай.

– Вот, держи, – она протянула чашку дочери. – С лимоном и двумя ложками сахара, – примиряющим тоном произнесла Басиат. – Я помню, как ты любишь...

- Зачем ты пришла? – скривила губы Мотави.
- Отговорить тебя от твоей глупой затеи. Дети не должны разлучаться с матерями.
- Ты опоздала. Я уже назвала ее и оставила.
- Зачем? Ты думаешь, это поможет? Нет! Все безнадежно! Судьбу не обмануть!
- Я не хочу быть как ты. Я хотя бы попыталась.
- Да какая разница, чего ты хочешь?! Кто ты такая, чтобы принимать подобные решения?

Она нашей крови, ее нужно найти и воспитать как должно, согласно традициям!

Мотави резко опустила нетронутую чашку на стол:

- Ищи, если хочешь!

Глаза Басиат сузились от сдерживаемого гнева, лицо посуровело, лишившись напускной ласки и доброты.

– Назови ее имя! – жестко потребовала Басиат. Она намеревалась отыскать свою внучку, раз уж Мотави отказалась от дочери.

Не получив ответа, Басиат исчезла в комнате, а вернулась уже со старинной книгой в руках. Бережно переворачивая пожелтевшие листы, она отыскивала нужную страницу и горестно воскликнула:

- Ты не записала ее имени!

Последняя запись была сделана Басиат, Мотави же не добавила ни строчки.

- Не записала, – отозвалась Мотави. – Это ни к чему!

– Еще не поздно все исправить. – Басиат протянула книгу дочери. – Многие века мы оставляем память о себе в этом фолианте, записываем наши имена и истории. Так мы чтим матерей-прародительниц, оберегаем традиции – а ты решила все разрушить своим упрямством? Ну же, не дай угаснуть нашему роду.

Но Мотави покачала головой. Она не желала спорить, ей хотелось покоя и уединения.

- Жаль. Ты ее больше никогда не увидишь.

- Нет. Я найду ее, когда она станет знаменитой. Это мое слово.

– Твое слово? – издевательски переспросила Басиат. – Такое же бессильное, как и ты сама! У тебя нет характера, нет воли...

– Пусть так. Но пока это мой дом, ты не будешь меня в нем оскорблять! Тебе лучше уйти. – Мотави забрала книгу из рук матери. – Верну ее на место, – произнесла она и вышла из кухни. Послышался скрежет засова на двери комнаты – Мотави поспешила оградиться от матери.

Черный кот на подоконнике зло тараторил на ведьму свои желто-зеленые глаза. Ему явно нравились шум и крики.

Басиат рванула на себя дверную ручку, убеждаясь в прочности засова, и досадливо ударила ладонью по двери. От удара пошел гул, а над дверью вспыхнули бледно-голубым защитные знаки – Мотави забыла отнюдь не все материнские уроки.

– Ты раскаешься, но будет поздно! – Басиат не хотела сдаваться. – Да, мне жаль, что с тобой так обошлись, но не надо таким образом мне мстить!

- Это не месть, – донеслось из-за двери.

– Послушай, ты знаешь, я могу призвать древние силы. Давай решим все по-хорошему! – крикнула Басиат в замочную скважину, но угроза не подействовала. Мотави даже рассмеялась:

– Ты этого не сделаешь. Тебя никто не слушает и не слышит. Мне все известно! Ты и я – мы изгнаны. Думаешь все исправить через мою дочь? Но нет, ничего не выйдет.

- На какие страдания ты ее обрекаешь?! – не унималась Басиат.

Мотави молчала. Она легла на диван, с головой укрывшись пледом, и закрыла глаза, пытаясь успокоиться. Мать все стучала в дверь, умоляла прислушаться к ее опыту и разуму. Все было напрасно.

- Ты слышишь меня?!

Ответа не было.

– Я сломаю этот чертов замок!

– Тебе лучше уйти, – холодно ответила Мотави. Зная характер матери, она не опасалась пустых угроз – в действительности Басиат нечем было ее утратить.

Разгневанной Басиат только и оставалось, что посильнее хлопнуть дверью, бормоча замысловатые ругательства.

3

Дом Басиат стоял уединено, на самой окраине города, отгороженный от мира высокой кирпичной стеной и старыми разросшимися вязами. Плотные портьеры создавали в комнатах приятный для глаз полумрак.

Баил с удовольствием прошелся по мягкому ковру, наслаждаясь приглушенным светом и тишиной дома. Убранство комнат было ему по нраву – обстоятельное и дорогое, оно не шло ни в какое сравнение с убогой квартиркой Мотави. Массивный секретер, украшенный затейливой резьбой, отполированное красное дерево письменного стола, удобные кресла... Басиат любила роскошь.

Как удачно, что хозяйки нет – хотя это Баила не остановило бы, лишь затруднило его поиски. Он уселся в хозяйское кресло, пролистал книгу, оставленную Басиат, тетрадь с выписанными стихами, открыл ежедневник и тут же закрыл его: страницы были девственно чисты – Басиат не вела дел или же не доверяла их бумаге. В ящиках тоже не было никаких хоть сколько-нибудь значимых бумаг, ничего такого, что приблизило бы Баила к его цели.

Разочарованно фыркнув, Баил провел руками под столешницей, пытаясь найти тайник. Тщетно. За картинами стена, в книжном шкафу только книги, даже под ковром не обнаружилось ничего необычного.

На клочке бумаги за телефоном был записан номер авиарейса, но Баил и так знал, куда летала Мотави. Ему нужно было имя, хотя бы имя... Но Басиат, видимо, продвинулась в поисках своей внучки не дальше него.

Баил размышлял, как ему поступить. Мысль о дочери Мотави приводила его в ярость. Кроме застарелой ненависти ко всему семейству Басиат, Баил испытывал досаду, что не мог расправиться с новорожденным ребенком. Он не знал, где Мотави спрятала младенца. Множество идей приходило ему в голову, но Баил отвергал их одну за другой, видя их никчемность.

Кто быстрее отыщет потерянное дитя, он или Басиат? Если Басиат преуспеет, Баилу придется спасаться бегством, его будут ждать сотни опасностей и даже смерть. Пусть говорят, что у кошек девять жизней – у Баила всего одна.

Баил вышел из кабинета, не спеша прошелся по коридору и остановился перед зеркалом, придирчиво рассматривая свое отражение. Элегантный костюм подчеркивал фигуру, а ворот рубашки, поднятый стоймя, и зачесанные назад короткие черные волосы делали его облик завершенным и мужественным. На худом смуглом лице едва выделялись старые шрамы – Баил провел пальцами по трем полоскам, пересекающим его бровь и лоб – и содрогнулся от злобы и ненависти. Он хорошо помнил, как получил их. В тот день удача отвернулась от Баила, коварный замысел его был раскрыт, а смерть оказалась совсем рядом.

Едва различимо скрипнула садовая калитка. Баил насторожился, прислушиваясь к тихим шагам. Ключ в дверном замке провернулся дважды, и Баил не стал мешкать. Он раздвинул портьеры, распахнул окно и легко вспрыгнул на подоконник.

Снаружи, в маленьком уютном дворе с зеленой лужайкой и белыми скамейками, когда-то играла Мотави, и Баил присматривал за ней и ее матерью, ничем не выдавая себя. Тогда Басиат была добрее и даже оставляла бродячим кошкам молоко в блюдечке. Старые времена, когда у Баила еще не было шрамов. Сквозняк вскинулся двумя крылами бархатных темно-

зеленых штор, миг промедления затянулся, Баил распластался в прыжке, стремительно меняясь в полете. Он мягко приземлился на четыре лапы, и когда встревоженная Басиат появилась в оконном проеме, она увидела лишь черного кота, невозмутимо сидящего на дворовой скамье.

4

Змену пряталась в зарослях дикой смородины, осторожно наблюдая за стайкой девчонок, играющих на крыльце. Рыжеволосая Мина, заводила и любимица Наставницы приюта, командовала игрой, и ее громкий голос разносился по всему двору.

Змену гадала, как скоро Мине наскучит игра, и она пойдет искать себе развлечения поинтересней. Любимая забава Миной – отыскать кого-то помладше, да по слабее, неспешно загнать свою жертву в укромное место и там издеваться над ней, наслаждаясь ее бессилием и отчаянием. Жаловаться Наставнице было бесполезным делом, Мину никогда не наказывали, а вот жалобщику очень скоро приходилось несладко. Змену потеряла еще не сошедшие синяки на предплечье, – Мина приходила в большую ярость, когда ее жертвы пытались защищаться, требуя, чтобы те стояли, опустив руки. Разбитые носы, разодранные колени и синяки никогда не волновали Наставницу, та считала, что так дети и учатся жизни.

Когда Наставница впервые увидела Змену, она пожала плечами и сказала: «С ней будут проблемы. Посмотрим, что можно сделать». И это прозвучало как злое обещание.

Змену действительно отличалась от прочих сирот, будто была старше и мудрее их на несколько лет, но это-то все и портило: ей было скучно в играх и у нее совсем не было подруг. Дети сторонились Змену, а она не искала их дружбы, и потому ни от кого не ждала сочувствия или жалости.

Им всем отчаянно не хватало любви, семейной теплоты, материнских объятий. Детские взгляды, полные надежды, обращались к нянькам и наставницам, к учителям и случайным посетителям Приюта. Они ждали своих матерей, мечтали, что совсем скоро найдут семью и обретут всё, чего так жаждали и чего им так не доставало. Змену же никого не ждала: она отчетливо помнила миг своего рождения и знала – за ней никто не придет. И у нее не было напрасных мечтаний.

Однажды Змену спросили – что она помнит о своей семье? Тогда она рассказала все, что помнила. Что мать прокляла ее при рождении, посулив дочери много зла и блуждания в тенях, и что она отыщет Змену лишь тогда, когда та прославится.

– Лгунья! – сказали одни.

– Фантазерка! – смеялись другие.

– Ну, а что же ты еще помнишь? – издевательски спросила Наставница, посмеиваясь над словами Змену. Казалось, ей нужен был только повод, чтоб травить воспитанницу.

– Ничего. Только имя, – правдиво ответила Змену. Затем добавила: – Смутно помню, как меня привезли в Приют, но это было уже потом, года через два или три.

– Значит, мама тебя найдет, да?

– Да. Как только я стану знаменитой.

– Вот как, – злобно фыркнула Наставница. – Откуда такая уверенность? Гадаешь по чаинкам или кофейной гуще? Не посмотришь еще на грязную посуду, вдруг и нам чего нагадаешь?

– Я наказана? – спросила Змену.

– Да. Как иначе тебе объяснить, что врать это плохо?

Упрямая убежденность в своей правоте раздражала Наставницу, ей хотелось, чтобы Змену созналась, что это все она придумала. Но девчонка отказывалась признавать свои воспоминания выдумкой.

Перебрав посуду на кухне, Змену вернулась в детскую.

– Змену! – наигранно дружелюбно встретила ее Наставница. – А мы тут все ждем, когда ты придешь и расскажешь нам новую историю. Расскажи, что еще ты помнишь? А?

– Ну... – неуверенно потянула Змену, еще не понимая тона Наставницы. – У мамы были длинные волосы, она заплела их в косу, я помню...

– Помнишь?! – Наставница презрительно поджала губы. – Змену, ты приехала сюда из госпиталя, где и родилась. Ты не можешь помнить свою мать, ты ее никогда не видела!

Все, кто был в детской, засмеялись.

– Я говорю правду! – возразила Змену. Слишком поздно она поняла, что Наставница насмехается над ней.

– Змену! Твои фантазии не делают тебя особенной, зато они обижают других детей. Ведь мы учим вас быть честными и всегда говорить правду.

– Я так и делаю! – от бессилия Змену готова была расплакаться.

– Не могу понять твоего упрямства, – Наставница сложила ладони вместе и покачала головой, всем видом показывая, как Змену огорчает ее. Она ждала раскаяния и извинений, но девочка смотрела прямо, не отводя глаз, с яростной озлобленностью и отчаяньем дикого звереныша.

– Вы просто не хотите мне поверить, – выкрикнула Змену.

– Думаю, тебе нужно дать еще времени на размышления. Спустись вниз, спроси у привратницы ключи от чулана. Возьмешь ведро, тряпку и вымоешь весь коридор на первом этаже и лестницу у спален. И незачем на меня так смотреть, давай, иди.

Змену выскочила из детской, вытирая слезы несправедливости и обиды. Чуть позже, полоща тряпку в холодной воде, Змену подумала, что уж лучше в одиночестве мыть пол, чем сидеть среди других детей и слушать их отвратительные шутки про ее память и мать.

Громко хлопнула входная дверь. Ирица и Мина старательно топали по деревянному полу, оставляя грязные следы. Они прошли мимо Змену, остановились у ведра, и Мина со злостью плюнула в воду:

– Для нас мама это святое. А ты, видно, родилась в хлеву, со свиньями, раз выдумываешь такое про свою мать.

– Не подходи к нам, и рядом не садись. Мы не хотим иметь с тобой ничего общего, свинья, – подхватила Ирица.

– Это вы свиньи! – не выдержала Змену. – Вон как наследили. Вы это специально!

Девочки только этого и ждали. Они кинулись к ней, норовя вырвать тряпку из рук. Змену оттолкнула Ирицу, но Мина была старше и сильнее. Несколько секунд они боролись, вцепившись в волосы друг другу, а потом Ирица подставила Змену подножку, и та упала, задев ведро. Грязная вода разлилась по полу, мгновенно промочив платье Змену. Мина, тяжело дыша, схватила тряпку и швырнула ее в лицо Змену.

– Достаточно, хватит, – властный голос Наставницы разнесся по коридору. – Видишь, Змену, к чему приводит вранье, – она спускалась по лестнице, поправляя серую шаль.

– Они на меня набросились. – Змену медленно поднялась, вытирая грязь со лба и щек.

– Ты сама виновата. Мина, Ирица, идите наверх, Змену еще нужно все убрать.

Змену ощутила, как кровь приливает к щекам, как гулко стучит в висках и как перехватывает дыхание. Она подняла тряпку, свернула ее в руках и запустила в сторону своих обидчиц. С противным чавкающим звуком тряпка влетела в затылок Мины.

– Змену! – гневно воскликнула Наставница. – Это уже слишком!

Она схватила Змену за руку и потащила за собой в сторону прачечной. Вслед им несло противное хныканье Мины.

Пройдя весь коридор, Наставница остановилась у сушильни и, распахнув дверь, втокнула Змену внутрь.

– Посидишь здесь и подумаешь над своим поведением.

В комнате не было окон, и когда дверь закрылась, Змену окружила полная темнота.

Наставница надеялась, что это сделает Змену покорной: все дети боятся темноты и одиночества. Все, кроме Змену.

Она ощупью нашла скамейку и уселась на нее, размышляя о случившемся. Наставница зла на нее, дети теперь будут говорить о ней всюду, наверняка перевернут все с ног на голову, будто это Змену набросилась на невинных бедняжек, идущих мимо. Наверное, сейчас Мина сидит в детской и рассказывает, как ее обидела сумасшедшая Змену, а Ирица во всем ей поддакивает.

Все это было чудовищно несправедливо, а пожаловаться было некому. Новая обида заслонила собой старую, теперь Змену куда меньше думала о своих первых воспоминаниях. Правда никого не интересует, а Наставнице важно, чтобы дети ей не перечили.

В сушильне приятно пахло чистым бельем и лавандой, темнота обволакивала и успокаивала. Змену согрелась и не заметила, как уснула.

Разбудил ее звук отпираемого засова.

– Змену? – позвала Наставница.

Тусклый свет вечерних сумерек показался Змену ослепительным.

– Ужин уже был, ты его пропустила. Я сказала на кухне, чтобы тебя не кормили, если ты вздумаешь выпрашивать там еду. Коридор все еще не убран, имей ввиду, что до отхода ко сну у тебя всего два часа. А мне не хочется тебя наказывать еще и за нарушение распорядка.

В этот раз Змену никто не потревожил. В четверть десятого она поднялась в кабинет Наставницы, чувствуя глубокую усталость.

– Ты все поняла? – снисходительно поинтересовалась наставница. Змену неуверенно кивнула. – Вот и хорошо. За завтраком извинишься перед Миной, и этот вопрос мы будем считать закрытым.

– При всех? – тихо спросила Змену.

– Да.

Ночью Змену долго не могла уснуть. Она с ужасом представляла, как над ней будут смеяться, и как унижительно просить прощения у своих же обидчиц.

Однако все вышло куда хуже. Едва дети расселись за столы, как Наставница подозвала к себе Змену. Она положила свои ладони на плечи девочки, ее цепкие пальцы впились как когти коршуна – не вырваться и не убежать.

– Дети, Змену хочет вам всем что-то сказать.

Змену молчала, не в силах произнести ни звука. Наставница встряхнула ее:

– Ну же!

– Я... – еле слышно выдавила из себя Змену.

– Не так-то это просто, да? Смелее! Ты была смелой, когда набросилась на Мину!

– Я... должна извиниться...

– Так, – с явным удовольствием произнесла Наставница, встряхнув Змену еще раз. – А дальше?

– Перед Миной и...

Обида собралась в комок, вцепилась в горло, напрочь лишая способности говорить. Змену испугалась, чувствуя внезапный спазм, она безуспешно попыталась стряхнуть руки Наставницы с плеч.

– Змену сожалеет. Она все поняла, верно?

Змену закивала, силясь вдохнуть хотя бы немного воздуха. Наставница наконец разжала руки, отпуская Змену, теперь ее внимание было обращено на других детей. Вдохновенно и чувственно она провозгласила:

– Думаю, вы все извлекли из этого урок. Мы здесь как одна большая семья, так будем же добры к раскаивающимся. Забудем обиды и примиримся. Мина, Змену?

С наигранным великодушием Мина обняла Змену, прошептав ей на ухо:

– Мы еще научим тебя манерам, свинья!

Змену едва вздрогнула, услышав эту угрозу. Они теперь враги, это ясно.

С того дня, куда бы Змену ни шла, Мина и Ирица тенью следовали за ней. Наученная горьким опытом Змену молчала, не отзываясь на обидные слова, и сбегала, едва завидев своих недругов. Защитников у Змену не было, а Наставнице лучше не попадаться на глаза.

Вот и сейчас Змену отсиживалась в смородиновых зарослях, наблюдая за Миной. До обеда оставалось еще два часа, нужно было быть осторожной, чтобы остаться незамеченной. Справа, у самой стены, послышался шорох. Змену вздрогнула, оборачиваясь на шум. Меж ветвей смородины просунулась взъерошенная голова мальчишки.

– Уф, Таврик, ты меня напугал, – прошептала Змену. – Ты как меня нашел? Меня видно с крыльца?

– Не-а, – Таврик расплылся в широкой улыбке, – я весь двор облазил, пока тебя искал. Там Мада ужа поймал, всем теперь хвастает. Пойдем посмотрим?

– Нет, не хочу.

– Из-за Мины, да?

– Какая тебе разница?

– Пойдем, она занята.

– Нет.

– Ты все лето будешь в кустах сидеть?

– Если понадобится, – огрызнулась Змену.

Таврик подполз ближе, перевернулся, заложив руки за голову. Он смотрел на зеленый лиственный свод, закрывающий синее небо, на солнечные блики, изредка проникающие сквозь ветви смородины.

– Смотри, – тихо произнес он, – мы словно в уютной пещере. Давай это будет наш с тобой тайник?

Змену покачала головой:

– Нас тут легко найдут.

– Ну, пока что не нашли.

– Это потому, что еще не искали, – Змену вновь замерла, опасаясь неловким движением выдать себя, но Мина была увлечена игрой.

– Змену, – позвал Таврик.

– М?

– Это правда, что ты проклята?

– Да, – недовольно поморщилась Змену. – Это сделала моя мать. Только мне запрещено об этом говорить.

– Почему? – удивился Таврик.

– Все считают, что я вру. Говорят, что я не могла ее видеть. Но я же помню! – Змену закусил губу от досады и сурово взглянула на Таврика: – ты тоже мне не веришь?

– Нет, что ты! Я верю!

* * *

Таврик жил в Приюте всего месяц, и кроме Змену с ним никто не дружил. В день их знакомства Таврик выглядел особенно жалко: черноволосый и худой, в одежде, что явно ему велика – рукава рубашки закатаны, штаны того и гляди свалются с его худющих бедер, – а на бледном лице виднелись старые синяки. Не раздумывая ни минуты, Змену смело подошла к мальчику и села рядом.

– Привет, – сказала ему Змену, весело глядя на новичка.

Мальчишка повернул голову и кивнул, отвечая на приветствие.

– Змену, – она протянула ему руку. – Меня так зовут.

– Таврик, – прошептал мальчишка, неловко вытягивая руку в ответ. В его ладони была зажата крошечная фигурка динозавра. Неизвестно, к чему относилось произнесенное имя – было ли это собственным именем или кличкой для игрушки, только Змену с тех пор так его и звала.

– Ты Таврик, ясно, – их взгляды встретились: его серый, настороженный, и ее зеленый, веселый и теплый, как летняя погода.

– Таврик, – будто во сне повторил за ней мальчишка.

– Твой? – Змену кивнула на игрушку.

Таврик молчал, словно пытался вспомнить что-то давнее, но затем улыбнулся – пожалуй, впервые за все это время:

– Мой.

5

На десятилетие Змену подарили куклу – очень красивую, в синем платье и с длинными золотыми волосами. За восемь лет, что она прожила в Приюте, это был первый подарок для нее, и оттого он был таким неожиданным. Змену не выпускала куклу из рук, даже когда резали именинный пирог в ее честь, и когда она принимала поздравления, и даже отправляясь спать.

Ей приснился странный сон. Будто идет она по чужому дому, невиданному ей ранее, минуя одну комнату за другой, и нигде не останавливаясь, а в последней видит свою мать.

– Змену, – зовет ее та. Лунный свет хлещет из окна, выхватывая изящный силуэт, сквозь легкую ночную рубашку, блестит серебром на волосах, высвечивает вытянутые руки. Мать хочет ее обнять, но Змену сторонится и лишь крепче прижимает к груди свою куклу.

– У тебя новая игрушка? – спрашивает мать. – Как ее зовут?

– Я еще не дала ей имени.

И точно по волшебству все имена и прозвища разом вылетают из головы девочки, она тщетно ищет и перебирает слова и слоги – но все они бессмысленны и пусты.

– Это правильно. Не называй, – шепчет мать, подбираясь ближе.

– Змена, ее зовут Змена, – испугано выкрикивает Змену, отступая к двери.

– Так не получится. Мало поделиться своим именем, нужно поделиться своей душой. Не называй, не надо!

Змену смотрит на прекрасные нарисованные глаза и белокурые волосы своей игрушки – без души кукла лишь формованный пластик.

– Змена, тебя зовут Змена. – Змену отщипывает кусочек от своей души: – Вот, – восклицает она, – так гораздо лучше!

Ее мать останавливается и смеется, от ее смеха начинают трещать стены и разбиваются окна.

– Теперь я хорошо понимаю свою собственную мать, Змену. Ты в точности как я.

– Я не ты! Мы разные.

– Однажды мы встретимся, и ты все поймешь сама.

– Нет! Мы никогда не встретимся! – Змену прикрывает глаза от ставшего нестерпимым лунного света.

– Когда ты станешь знаменитой... – доносится голос матери, но Змену кричит изо всех сил:

– Нет! Никогда!

Змену проснулась, разбуженная собственным вскриком. В спальне было тихо. Сквозь распахнутое окно лился лунный свет, почти такой же яркий как во сне, он как-то по-особому отражался на пластмассовом лице, делая застывшие кукольные черты живыми. Они как будто стали еще красивее и роднее, чем раньше. Змену крепко прижала куклу к груди:

– Я никогда тебя не оставлю.

6

В доме Басиат пахло травами. Мотави растерла в пальцах тысячелистник, и воздух тут же наполнился его горьковатым ароматом.

– Не забудь: три унции корня вереска, щепотка тысячелистника и рябиновая настойка, – поучительно проскрипела Басиат. Она сидела в кресле, перебирая страницы старой книги. – Если все сделать правильно, через три дня будет готово отличное средство от бессонницы.

Мотави рассеяно кивнула, пропуская наставления матери. Мысли ее были далеко.

За десять лет Басиат состарилась. Глубокие морщины изуродовали некогда прекрасное лицо, глаза запали вглубь черепа и волосы стали белее снега. Бесплодные поиски и горькое одиночество иссушили тело, а старость сломила ее гордый дух. Теперь пришел черед Мотави сидеть подле своей матери, разбирать гребнем ее седые волосы, подносить питье и укрывать ее от холода шерстяным одеялом. Дни и ночи Басиат вспоминала детство и юность, но Мотави лишь усмехалась, слушая старческое бормотание. Она не забыла своих обид, между ними по-прежнему не было согласия, хотя Мотави и перебралась в дом к матери.

– Ты не забыла про корень? Можешь добавить ложку меда, перед тем как закупорить отвар. Так запах будет глубже, а вкус слаще. Мотави? Ты меня слышишь? – позвала Басиат.

– Да, – недовольно откликнулась Мотави. – Слышу.

– Ты сегодня какая-то рассеянная. Следи за огнем, отравить меня вздумала?

– Я слежу, – раздраженно буркнула Мотави.

Басиат прищурилась, всматриваясь в лицо дочери.

– А я, кажется, знаю, почему ты сегодня сама не своя, – она зло и коротко рассмеялась. – Я тоже о ней думаю. Десять лет прошло, а я все помню. Думаешь, я старая и глупая? Нет, я помню, как ты со мной обошлась, со мной и с ней.

– Я не хочу об этом говорить, – Мотави отвернулась, убавляя огонь на плите.

– Не хочет она, конечно, не хочет. Ты не сказала мне даже ее имени. Ты разбила мне сердце, поломала жизнь всем нам, наверное, довольна тем, чего добилась?

– Довольна! – зло вскрикнула Мотави.

– Ну и хорошо, что довольна. Я ночей не сплю, от горя и тоски сгорела вся, а ты даже не шелохнешься. Что за камень у тебя вместо сердца?

– Точно, ты права, камень. Только моему камню с твоим по жестокости не сравниться. Не смей даже ровнять нас, слышишь?! – Мотави швырнула ложку в угол и в бешенстве кинулась прочь из кухни.

– Вот и славно, бросила все и бежать. – Басиат тяжело поднялась, опираясь на больные руки. – А доваривать кто будет? Все испортила, как всегда. Никакого толка...

Силы старой ведьмы были на исходе – будет чудом, если Басиат переживет зиму. Мотави самой придется искать дочь, теперь это ее дело – исправлять свою же ошибку. Когда старый дом опустеет, когда зеркала будут занавешены черным, а часы остановлены, Мотави осознает свое одиночество. Вот тогда она поймет правоту Басиат, поймет и раскается.

Той ночью Басиат не спалось. Она вспоминала, как, будучи молодой, распускала свои черные волосы до пят, и как мать наряжала ее в платья тонкого красного шелка, и как плясала

она на балах, сводя с ума многих своих поклонников одной лишь улыбкой. И только сердце сохраняла Басиат пустым, ибо таков был обычай ее рода.

Мотави была другой. Застенчивая и скромная, она любила уединение и покой, вызывая у матери недоумение и раздражение своим тихим нравом. Много резких слов было сказано Мотави, много ссор и скандалов видел этот дом, и лишь теперь Басиат сожалела о всех обидах, причиненных дочери. Ей вдруг захотелось увидеть Мотави, обнять ее и просить прощения. Басиат поднялась наверх, в спальню дочери, надеясь полюбоваться ее сном, как делала когда-то.

С тех времен в комнате Мотави мало что изменилось – все те же уютные кресла, старинный комод и зеркало в резной оправе, расцвеченные лиловыми тонами шторы – Басиат хотела сохранить обстановку, надеясь удержать как можно дольше ту благословенную эпоху, в которой она была молода и счастлива.

На широком ложе, под цветасто-голубым балдахином спала Мотави, уткнувшись носом в сгиб локтя и одним глазом смотря прямо в лицо луне. На ее плече сидела густая тень со злым зелено-желтым пламенем в глазах.

Басиат беззвучно вскрикнула, хватаясь за сердце, а тень прыгнула с постели, меняя свои очертания, отряхнулась, будто привыкая к новой форме, метнулась к раскрытым створам балкона и сиганула вниз. Ведьма кинулась за ней так быстро, как только могла и, холодея от ужаса, увидела ее, стремительно удаляющуюся от дома.

Тень скользила по едва различимому лунному следу, что тянулся через поле и дорогу, минуя чужие крыши и соседский сад, пересекал уютный двор дома Басиат, устремляясь к самому балкону, становясь едва различимым, похожим на язык тумана.

7

Баил осторожно принюхался: дом пропах травами и зельями. Басиат, наверное, вознамерилась научить Мотави всем рецептам. Он не чувствовал опасности: яркий лунный свет выбелил стены и пол, сократив тени, но и только. Баил бесшумно прошелся по комнатам, поднялся по лестнице и миновал коридор второго этажа. Под голубым балдахином в своей старой детской спала Мотави. Глаза ее оставались открытыми, и взгляд был опустевшим, потускневшим, устремленным куда-то вдаль. Лунный луч неловко скользнул по ее лицу, легко пересек хрустальную преграду зрачка, и засиял яркой дугой, выгибаясь в поднебесье, повторяя изгиб земли. Баил заворожено уставился на изогнутый яркий луч. Никогда прежде он не видел ничего подобного, лишь слышал рассказы о лунных снах, считая их ведьмиными сказками и снисходительно над ними посмеиваясь..

– Змену... – тяжело застонала сквозь сон Мотави.

Слеза скатилась по виску спящей, ладони чуть вздрогнули, когда хрупкий лунный мостик распался и сон, что был один на двоих, прервался. Осколки невидимой связи брызнули во все стороны, Баил вцепился когтистой лапой в ускользающий лунный луч – ох, как задержался он, как забился... Баил что было сил вдохнул его, вместе с отголосками сна, сморщился, скривился от жалости, что попала внутрь – словно истинный кот, которому в уши залилась вода, – и вдруг расплылся в довольной улыбке.

Он давно этого ждал, с того самого дня, как ведьма исчезла, чтоб разрешиться от бремени. Баил был уверен, Мотави обязательно выдаст, где спрятала свое дитя, и потому следил за ней непрестанно. Но долгие десять лет она молчала, пока краткое лунное сновидение² не выдало ее тайну.

Черная шерсть, вздыбившись на загривке, все росла и росла, покуда, оттолкнувшись всеми четырьмя лапами, Баил не прыгнул с постели, став человекоподобной тенью. Он смах-

² Лунное сновидение – сон, который снится сразу двоим.

нул ладонью невидимые пылинки с плеча, тряхнул запястьями, и ушел – бросился с балкона в яркую лунную ночь.

Размашистыми прыжками, со всей прыти своего воплощения, спешил Баил по лунному следу, остывающему на глазах. Он несея, предвкушая отличную охоту, но рассвет обгонял его, теснил ночь на запад, и оттого Баил злился и звал своих братьев.

Когда след почти исчез на небе цвета топленого молока, Баил оказался в поле, мокрый от рассветной влаги, разгоряченный своей погоней, уставший, но довольный собой, ибо ясно видел он невысокую каменную ограду, дремотную тишину меж развесистых кленов за ними и старую кирпичную кладку двухэтажного Приюта.

День Баил переждал в прохладном туннеле старой ливневой канализации, устроенной еще в те времена, когда здешняя округа была многолюдна. Когда-то здесь было много построек, и в земле до сих пор гнили венцы их фундаментов, как обломанные корни зубов в деснах. У этой земли была мрачная история, полная кровавых событий, и это было по вкусу Баилу.

Но даже сидя в своем укрытии, он нервничал. Он хорошо знал, кто на самом деле хозяин этих мест и куда в действительности ведет этот туннель. И стаи ворон как сторожа сидели на деревьях, озирая окрестности. Баил не мог бы поручиться, что это обычные птицы, и предпочитал не думать о них, считая себя в относительной безопасности. Он зябко поежился, смерил непроглядную тьму желтым взглядом кошачьих глаз и подобрал лапы.

Он ждал своих братьев, но предполагал, что никто не придет. Его братья не хотели рисковать. Баил был один, и если он выдаст себя раньше срока, как бы ему самому из охотника не превратиться в жертву.

Где-то неподалеку зазвонил колокол, чистый протяжный звук летел по полю. Баил наострил уши. Он слышал топот сотни маленьких ножек, обутой в сандалии, он слышал смех и детские крики. Он вскочил, на ходу меняя облик, и бросился наружу, зашипев, чуть не обжегшись о солнце. Прямо перед ним по пыльной дороге парами, взявшись за руки, шли дети.

Баил узнал ее мгновенно. Из всех детей только она была отмечена ночным колдовством – лунная пыль, осевшая на ее коже и волосах, слегка блестела даже под ярким летним солнцем.

И все же он поторопился...

8

Покрасневшие глаза Змену слезились, она терла их ладонью. В это утро она даже видела хуже. Наставница собиралась отправить ее к врачу до обеда, но затем справедливо рассудила, что от красных глаз еще никто не умирал, а дисциплина всегда подразумевает терпение, и поэтому Змену шла вместе со всеми из воскресной школы.

Тень словно выросла из земли. Змену испуганно шарахнулась в сторону – в ноги ей метнулся странный зверь, черная шерсть мазнула по лицу, и что-то тяжелое навалилось на нее, увлекая вниз. Выставив вперед руку, Змену упала.

Время замедлилось, сделалось густым, звуки исказились, будто шли из глубины вод, дорожная пыль, взметнувшаяся столбом, стала едкой и липкой. Через мгновение Змену потянуло вниз, будто она угодила в зыбучие пески, где каждое движение давалось с неимоверным трудом. Откуда-то сбоку выскочил черный кот – гибкий и ловкий, он совершенно неестественно изогнулся, оскалившись, показал гнилые зубы и алый провал зева, а затем прыгнул – да так, что клубы желтой пыли накрыли Змену с головой. Секунду-другую Змену казалось, что она задыхается и тонет, как вдруг все закончилось. Она лежала на животе, лицом в дорожной пыли.

Таврик обернулся – за все это время он не сделал и полшага, как и другие дети и даже Наставница.

– Змену?

– Что случилось?

– Упала?

Их вопросы сыпались со всех сторон, руки Таврика тянулись к ней, помогая подняться, но Змену не приняла помощи. Она со всей силы терла руками засыпанные песком и пылью глаза, пытаясь разглядеть знакомые лица. Размазывая слезы и грязь, она шарила в пыли в поисках своей куклы, но все было напрасно. Ее подарок исчез.

– Поднимайся! – раздался ледяной голос Наставницы. – Немедленно! – Она схватила Змену за шиворот и рывком подняла на ноги. – Как ты перепачкалась, смотри, все платье изгадила! – Наставница отвесила ей затрещину.

Змену едва устояла на ногах. Наставница отпустила ее, слегка подтолкнула вперед, призывая идти. Но Змену все озиралась по сторонам:

– Моя кукла! Моя кукла пропала!

– Пропала? Ах ты растяпа, ты ее потеряла! – Наставница с силой толкнула ее вперед.

Не удержав равновесие, Змену упала и замерла.

– Вставай, эй ты, притворщица! – Наставница схватила ее руку, с легкостью поднимая безжизненное тело. – Вот дьявол!

Пыльное лицо прочертили две кровавые дорожки из-под распухших век. Змену была без сознания.

А над дорогой кружили встревоженные вброны.

9

Баил промахнулся. Немыслимо! Удача отвернулась от него в самый последний момент! Годы ожидания и долгие поиски не прошли впустую – он нашел ту, что так долго искал. Он так спешил по остывающему следу, он так быстро выследил жертву и так близко к ней подобрался. Он был в шаге от своей цели!

И все же его постигла неудача. Баил вскочил на ноги. Здесь, глубоко под землей, ему больше нет нужды таиться. В руках у него была всего лишь бесполезная детская игрушка. Как он мог так ошибиться? Как?! Или может эта ведьма Мотави что-то почувствовала и успела в последний момент вмешаться? Что если это козни Басиат? Нет, не может быть!

Баил был готов распылить каждый встречный камень. Он сжал куклу в кулаке, желая раздавить ее. Он впился в нее ногтями, разрывая ее на части руками. Голова легко отделилась от туловища, и он было отбросил ничтожные останки игрушки прочь, как вдруг почувствовал кровь под ногтями. Баил замер, и мгновенное озарение тут же выпило весь его гнев. Улыбаясь и дрожа, сраженный своей догадкой, он коснулся языком окровавленных когтей: соль. Красная, соленая, как и кровь любого человека, она пьянила. Ведьма! Ведьма вдохнула частичку своей души в эту куклу, неосознанно создав оберег. Не ведая об опасности, не зная имени своего врага, не понимая что делает, ведьма все же защитила себя как могла. Зыбучая пыль³ должна была утянуть душу девочки Вниз, на горизонты⁴, а затащила куклу. Нет, Баил не промахнулся, он не знал об обереге, но теперь Змену ранена и никуда от него не денется. Мотави не знает, где она, и Басиат ничего о ней не знает, но Баил не упустит такой охоты.

10

Басиат разломила свой старый гребень. Пусть ее дочь упрямится, пусть верит в свое слово, Басиат ведомо многое такое, от чего у Мотави волосы поседели бы до срока. Тот, кто

³ Зыбучая пыль – иначе пылевая ловушка, наследие прежних войн, сохранившееся в крайне редких экземплярах.

⁴ Горизонты – девять подземных миров.

охотится на лунные сны, тот, чье обличье тень, – недруг их семейству. Басиат знает, откуда пришел этот неведомый враг, в свое время она претерпела немало горестей от тех, кто живет под землей. Глупо надеяться на случайность, враг взял след, а раз так, он найдет, что ищет.

В медной чаше была вода. Частью гребня Басиат прихватила волосы, вторую часть бросила в воду. Трижды омыла руки и лицо, трижды прошептала заветные слова, погружаясь в транс, отдаваясь мыслями все дальше и дальше в такие дали, куда не попасть, покуда ты жив.

Последний раз Басиат смотрела сквозь воду, когда Мотави еще не было на свете, и мать помогала ей своими силами и советами. Мотави же презирала все ритуалы и никогда не занималась ведовством.

Медные узоры поднялись со дна чаши, раздвинулись скалистым ущельем, взгляд Басиат заскользил по его извитому дну, по петляющей дороге, отыскал резную арку, затем еще одну, и еще. Ее видения сменялись одно другим, все глубже и глубже уводя Басиат во тьму, и она молила о помощи, надеясь, что ее призыв будет услышан. Собрав все свое мужество и отбросив страх, Басиат обратилась к могущественной силе, к которой не взывала никогда. Лишь особенные обстоятельства вынудили ее искать покровительства у нездешних сил.

– Услышь меня, о Великий! Ей нужна помощь. Ее надо защитить, – прошептала Басиат над чашей. Воздух вокруг потемнел, вода забурлила и покраснела, а Басиат все не отрывала от нее взгляда.

– **У всего есть своя цена!** – донесся голос из чаши. Он словно шел из невообразимых глубин – безжизненный и ровный, лишенный всех эмоций.

– Все, чем я владею – все твое!

– **Это ничтожный мусор, прах. Мне нужно больше! Горизонты заждались тебя, Басиат, я желаю заполнить твою душу!**

– Мою внучку нужно спасти, – твердо произнесла Басиат. – Если такова цена, если она избежит гибели и плена – я согласна!

Всматриваясь в воду, она боялась, что эту цену отвергнут – ведь ей больше нечего было предложить, – но молчание продлилось недолго. Голос из чаши возвестил:

– **Протяни руку. Мне нужен залог!**

Басиат сжала кулаки на краткий миг внутренней борьбы, но затем простерла ладонь над чашей.

– Медлить нельзя, – прошептала ведьма, касаясь воды.

11

Воскресенье было днем прогулок. Детей одевали в чистые платья, умывали и причесывали, а затем, построив в колонну, вели в воскресную школу – два часа занятий в сельской церквушке на соседнем холме, – где пастор раздавал детям книжки с картинками про святых, Деву Марию и младенца Христа. Приют был под патронажем благотворительной организации, и оттого такие занятия были обязательными.

Змену любила прогулки до церкви и обратно, вдоль засаженной ивами аллеи, любила красивые картинки в книжках, странного вкуса хлеб, который раздавала в церкви Наставница. Смысл занятий ускользал от девочки. Стоило лишь пастору начать проповедь, как Змену мечтательно отправлялась гулять взглядом по цветным витражам в окнах. Вот она стоит на холме, за ней толпа – ее свита, наверное, а может семья... Она ступает на белоснежное облако, и множество рук тянется к ней с небес, помогая не оступиться... А потом она становилась красивой принцессой с короной и алой мантией, и окружавшие ее люди протягивали ей корзины с едой... Резкий шепот Наставницы пробуждал ее от сказки, заставляя подняться для пения псалмов. Тихий голос Змену присоединялся к общему хору, но девочка терялась, путая слова, ноты, смысл.

В это воскресенье ее не взяли в церковь. Слепой ребенок вызовет ненужные вопросы, и потому Наставница, взяв Змену за руку, отвела ее вниз, в комнату для игр.

– Сиди здесь, никуда не уходи, – предупредила ее Наставница на всякий случай.

– Ага, – вяло согласилась Змену. Куда ей идти? Мир пуст и опасен, куда не поверни голову – везде темно. Как ни распахивай глаза, ничего не видно.

В игровой никого не было. Где-то под потолком гудела муха, у главного входа плотник орудовал молотком, пытаясь выправить скривившийся дверной проем – словом, ничего необычного. Змену легла на ковер, раскинула руки и ноги, вообразив, будто плывет по реке, на огромном плоту, застеленном ковром, а вокруг море. Представила, что шум ветра за окном – это шелест волн, который она никогда не слышала, скрип старых деревьев во дворе – это скрип ее надежного плота.

Стук молотка прекратился, муха на потолке замерла, а со стороны коридора донеслись осторожные легкие шаги.

Кто-то знакомый открыл дверь. Змену поднялась и обернулась на шум.

– Таврик?

– Ага, как догадалась? – Таврик сел рядом.

– Узнала тебя по шагам. Почему ты не в воскресной школе?

– А... – отмахнулся он, – не захотел. К тебе пришел. Что делаешь?

– Ничего. – Змену пожала плечами. Ей очень не хватало зрения, она старательно пыталась представить себе комнату и Таврика. И воображение, в последние дни ставшее куда более сильным, ей в этом помогало.

– Пойдем гулять? – предложил он.

– Мне нельзя выходить.

– И мне нельзя занятия прогуливать, – Таврик взял ее за руку и потянул. – Давай, вставай.

Когда мы в последний раз гуляли?

Змену улыбнулась:

– Веди меня, раз уж такой упрямый.

Они вышли во двор, прошлись по тропинке между старыми складами и прачечной, вдоль смородиновых кустов. Когда-то Змену пряталась здесь от Мины и ее подруг. Теперь в этом не было необходимости – вражда исчезла вместе со зрением. Слепая девчонка вызывала только жалость.

Змену горько вздохнула:

– Мне так хотелось, чтобы от меня все отстали – и вот, желание исполнилось, но какой ценой? Лучше бы все оставалось по-прежнему.

– Почему они все так ополчились против тебя? – поинтересовался Таврик. – Ты рассказывала, что у вас была ссора, но никогда не говорила, из-за чего.

– Не говорила, – подтвердила Змену, осторожно ступая на траву. – Не хотела, чтобы и ты от меня отвернулся.

– Мы друзья, – нахмурился Таврик. – Друзья так не поступают.

– Верно, – кивнула Змену. – Наставнице не понравилась правда о моих воспоминаниях. Она решила преподать мне урок и послала своих любимчиков объяснить мне, что и как. Мы подрались. Я защищалась.

– Понятно. – Таврик сочувственно покачал головой. – А что за воспоминания?

Змену немного помедлила, раздумывая, стоит ли рассказывать о матери.

– Я помню ее лицо, ее руки и волосы. Помню, что она сказала мне в день, когда я родилась, и что я ей ответила...

– Ответила? – удивился Таврик.

– Да. А мне никто не верит.

Змену поведала, как мать оставила ее в госпитале, а сама ушла, беспечная и свободная, но Таврик не стал смеяться, нет – он верил своей подруге.

– Так что она найдет меня, когда я стану знаменитой, – сказала Змену.

– А ты станешь знаменитой?

Они забрались на самый верх песчаной кучи, наваленной у стены. Это место было самым близким к ограде и единственным, откуда можно выглянуть за пределы Приюта. Таврик старательно вытягивал шею, стараясь рассмотреть все, что было за забором – дорогу, поле, дальнюю рощу и самый край холма, где и начиналось серое небо.

– Нет, не стану, иначе она меня найдет.

– Чем плохо быть знаменитой?

– Знаменитая еще не значит счастливая, – мудро заметила Змену. Она знала, что если бы мать хотела ей добра, то не бросила бы ее в младенчестве. А раз так, то много бед, зла и несчастий впереди, и внезапная слепота лишь явное тому подтверждение.

Змену переступила с ноги на ногу. Вниз потек песчаный ручеек. Змену прислушивалась к шуму осыпающегося песка. Последнее, что она видела перед тем, как ослепла, это мутный кровавый туман перед глазами. Уже потом, когда встревоженные няньки раздевали и умывали ее, стряхивали песок с ее головы, обострившимся своим слухом, все еще неспособная разлепить глаз – как ей тогда показалось, залепленных грязью, – она слышала далекий и едва различимый звук рассыпающихся песчинок. Где каждая – сверкающий острый камень, гулко стучала, ударяясь о пол, о другие такие же острые камни. Змену вздрогнула, отпуская наваждение, а Таврик все не умолкал:

– Разве это так плохо, увидеть маму? Я бы хотел хоть раз увидеть свою.

– А я нет, – отрезала Змену.

– Хочу, чтобы меня мама нашла, – мечтательно протянул мальчик. Он мог говорить о своей матери бесконечно.

Таврик не мог сказать, как выглядит его мать, какого цвета ее платье или волосы, какую прическу она носит и есть ли у нее обручальное кольцо. Он ничего о ней не знал, и все же был привязан к ней всей душой. Змену представила себе стройную фигуру белокурой женщины, что идет издалека, подходя все ближе и ближе к Приюту, и все ближе долгожданная и обещанная надеждой встреча. Вот еще немного...

Змену вздохнула горько-горько. Ее живое воображение сделало видение почти реальным. Она слепо потянулась рукой к Таврику, нащупала его ладонь и крепко сжала.

– Твоя мама тебя найдет, обязательно. Я уверена! Как знать, может уже к зиме приедет за тобой?

Таврик неловко погладил Змену по плечу, пытаясь утешить то ли ее, то ли себя:

– Спасибо, Змену. Я этого очень жду.

Тихий писк донесся с внутренней стороны ограды. Змену прислушалась. Казалось, кто-то плакал. «До чего же знакомый звук», – поморщилась Змену и тут же внутренне похолодела. Она узнала его – вспомнила, что слышала его же в своем недавнем сне.

* * *

Ей снилась незнакомая старуха, сидящая в кресле. Голова ее была опущена на грудь, седые пряди спутанных волос спускались по плечам, придавая старухе неопрятный вид. На ее коленях спал щенок, но стоило Змену подойти ближе, как тот проснулся и завозился.

– Тише, – прошептала Змену щенку. – Ты ее разбудишь.

Змену осторожно погладила щенка по шерстке. Он был живой и теплый, от него даже пахло молоком.

Старуха, медленно подняв голову, уставилась на Змену и проскрипела:

– Как тебя зовут? – Она протянула костлявую сморщенную ладонь к Змену. Ее пальцы вцепились в запястье девочки поистине железной хваткой. – Не бойся меня. Я тебе не враг.

– Пустите меня, – попросила Змену, но старуха и не думала разжимать ладонь. Она подтянула Змену еще ближе к себе.

– Отпущу. Не бойся, я не желаю тебе зла. Смотри, у меня есть для тебя подарок.

Старуха силой положила руку Змену на спину щенку.

– Ну, что скажешь? Он твой, бери его, если хочешь, – вкрадчиво произнесла она, отпуская девочку.

– Мой? – недоверчиво переспросила Змену. – Я могу его взять?

– Бери, конечно! – просияла старуха.

Змену осторожно подняла щенка. Он казался плюшевой игрушкой с влажным носиком и черными глазами-пуговками.

– Бери... – глухо повторила старуха, засыпая. Ее руки упали вдоль туловища, а голова склонилась набок.

Щенок в руках Змену заскулил, дрожа от холода, и на этот скулеж из-за кресла старухи вышла огромная собака. Она была ростом со Змену, с сильным поджарым телом, длинными ногами и крупной головой. Собака внимательно посмотрела на Змену, затем принялась, словно хотела запомнить ее запах.

– Он твой, да? – Змену ощутила обиду: даже у щенка была мать.

Тот сон прервался ненавистным писком будильника, и проснувшись, Змену почувствовала сильную досаду – ведь теперь сны были ее единственной возможностью видеть.

* * *

Плач усилился, стал яснее. «Это не игрушка и не ребенок, хотя похоже на чью-то скверную шутку», – рассуждала про себя Змену.

– Скулит кто-то, – Змену сказала это вслух, еще не уверенная, что это не злой розыгрыш. – Слышишь?

– Неа, – отозвался Таврик. – Тебе показалось.

Девочка спустилась с насыпи к самой ограде, уперлась в каменную кладку и тронула заросли репейника. Скулеж смолк, послышалась возня, шорох листьев. Змену устремила на исчезающий звук, проводя рукой прямо перед собой. Она раздвигала листья и отталкивала стебли, пока, наконец, ее пальцы не коснулись чего-то теплого, мягкого и шерстистого. В ладонь уткнулся мокрый собачий нос, и шершавый язык прошелся по пальцам. Змену тихонько засмеялась от восторга. Это был щенок, как тот, из сна, только лучше, ведь он был настоящим. Она подняла его на руки, и тот заскулил, беспомощно перебирая лапами.

– Он такой милый, – только и смог произнести Таврик, выражая свое восхищение. Держать животных в Приюте не разрешалось, старая овчарка на цепи у сторожки да дикие пугливые кошки не в счет.

– Да. Интересно, как он сюда попал. Замерз совсем, бедняжка! – Змену закрыла щенка полой своей старенькой кофты.

– Вот бы оставить его себе, давай спросим Наставницу?

– Нет, – лицо Змену посуровело. – Нам не позволят. Наставница может его обидеть. Надо его спрятать.

– Какой он милый! – повторил Таврик и осторожно погладил щенка – движение вышло неловким.

Щенок согрелся и завозился сильнее, вылизывая пальцы Змену.

– Ты кроха, – назвала она его. Но этого ей было мало. У животных нет души, и Змену поделилась своей. – Ты – Кроха, – произнесла Змену, даря щенку настоящее имя.

Он был рыжим: Змену увидела его – сначала расплывчато, затем заморгала, восстанавливая четкость зрения.

– Как странно, – Змену поднесла к своему лицу ладонь, разглядывая ее как небывалое чудо. Бледная, в порезах и синяках кожа рук, вязаный узор на рукавах шерстяной кофты, рыжий щенок – все это, выхваченное из опостылевшей темноты, было волшебным, и Змену не осмеливалась верить своим глазам.

Змену рассмеялась от радости. Сны так часто обманывали ее светом, но в самый радостный миг она просыпалась, окруженная крошечной темнотой, напряженно дыша и вслушиваясь в тишину детской спальни.

– У тебя рубашка синяя, а штаны порваны! – сообщила она изумленному Таврику. – А еще ты весь грязный. Я вижу, Таврик, слышишь? Вижу!

– У тебя все прошло? Да?

Змену закивала и снова засмеялась. Она целовала найденного щенка, гладила его по шерстке и все никак не могла насмотреться на Таврика, на заросли и на свое платье.

– Мы спрячем его в нашем убежище. Ты со мной, Таврик?

– Конечно, Змену. А можно я его подержу? – попросил он.

Змену осторожно передала щенка:

– Таврик, давай не будем никому говорить, что я снова вижу? Так няньки за мной меньше приглядывают.

12

Раньше, когда чердак использовался для детских игр летом, треугольные окна под потолком целыми днями были настежь распахнуты. Спустя десятилетия окна заколотили, закрыв доступ воздуху и свету, а во время очередного ремонта сюда перенесли старую мебель, да так и оставили. И теперь массивные столы, громоздкие стулья, старинные буфеты – все из верного крепкого дерева – громоздились до самого потолка, покрытые пылью, будто припорошенные снегом. Детям путь на чердак был запрещен. Лестницу, ведущую туда, закрыли решеткой с навесным замком, а саму дверь заперли на ключ.

О том, что у решетки вывинчиваются прутья, Змену узнала случайно, пару лет назад. Она бесцельно слонялась по этажам, пока любопытство не привело ее к зарешеченной лестнице. Место было темным, но спокойным и тихим. Несколько раз Змену пряталась здесь, тая свои обиды и скрываясь от несправедливости Наставницы, жестокости Мины и других детей. В такие часы она сидела на ступеньке, прислонившись спиной к стальным прутьям и вслушиваясь в идущие снизу звуки, и от безделья ковыряла облупившуюся краску. Когда ей это наскучило, Змену обратила внимание на решетку. Она схватилась двумя руками за прутья и повисла, откинувшись назад.

Один из прутьев коротко скрипнул под тяжестью и провернулся, выдав себя. Змену крутила его и так, и эдак, пока наконец прут не грохнулся на ступеньки по другую сторону лестницы, открыв лаз достаточного размера, чтоб туда смогла пролезть девочка восьми лет. Змену излазила всю лестницу, уперлась в старую дверь, но открыть ее не смогла – старый замок держал крепко. Но такие трудности не останавливают, а только раззадоривают, и в другой раз Змену вернулась к той двери не одна. Вдвоем с Тавриком они пытались открыть ее, ковыряя в замке то крепкой, то гвоздем.

– Бесполезно!

– Может ножницами? – предложил Таврик, пытаясь сложить из скрепки подобие отмычки. – Не смотри на меня так, у меня их нет.

– Дай я попробую!

– Пробуй, но тут нужен ключ.

- Нужен, только где бы его взять...
- В комнате няnek есть, в столе лежит.
- Возьмем?
- И как мы его возьмем, если там все время кто-то есть?

Но Змену не собиралась сдаваться просто так.

- Нам нужен отвлекающий маневр, – произнесла она, напустив на себя таинственный вид.

Коленками пришлось пожертвовать. Когда Змену, прихрамывая и похныкивая, появилась в коридоре холла, добрая старушка-вахтерша засуетилась, доставая зеленку и пластырь, увидав разодранную об асфальт кожу. Таврик бесшумной тенью возник в дверях коридора, что вел в столовую, и подкравшись к столу, уже открыл ящик, как вдруг остановился, услышав резкий голос. Таврик замер, белея на глазах, сжимая в руке ключ. Все было так очевидно – его поймали на воровстве и непременно накажут, но в следующую минуту все прояснилось. Этот возглас принадлежал Наставнице, спускающейся по лестнице. Она запретила Змену плакать и велела идти в комнату, поочередно бросая грозные взгляды то на свою воспитанницу, то на старушку.

* * *

– Сработало! Слышишь?! – От восторга Таврик прыгал на месте. – Наставница меня как будто и не видела вовсе!

– Ага, зато меня увидела, – Змену осторожно потрогала разбитую коленку. – Больно-то как!

Они встретились через час после ужина, как и было условлено. Таврик был горд и счастлив, он потрясал ключом, воображая себя отважным воином, в чьих руках находился волшебный меч. Если бы их увидели, им крепко досталось бы, но дети были в игровых или спальнях, а утомленные дневной суетой няньки и не думали их искать. Старая лестница на чердак встретила их пылью, тишиной и совершенным забвением. Дверь, кряхтя на ржавых петлях, неохотно поддалась. Полутемная мансарда была завалена ветхой мебелью, сломанными игрушками, книгами, горнами, спортивным инвентарем и прочим хламом, но для Змену и Таврика она стала настоящей пещерой сокровищ. Они играли там, покуда совсем не стемнело, и на следующий день пришли вновь.

Это было их убежище, место для игр. Тайна, что одна на двоих. Секрет, о котором можно переглядываться и многозначительно молчать. С важнецким видом они обрывали фразы на полуслове, улавливая неявные жесты друг друга. Они все же были детьми – и кто угодно, присмотревшись к ним повнимательнее, сразу все понял бы. Но никому не было до них дела.

И оттого, найдя щенка, Змену принесла его сюда, на чердак, – уверенная, что их убежище не обнаружат. Беспечность ее суждений развеялась очень скоро: в понедельник утром Приют посетил неожиданный гость.

13

– Это все? – поинтересовался опрятный мужчина в черном пиджаке, прохаживаясь мимо детей, построившихся в одну шеренгу.

Наставница сложила руки на груди и, чуть склонив голову набок, произнесла как можно тверже:

- Это все дети в Приюте.

Ее упрямый взгляд встретился со взглядом мужчины, и ее решимости поубавилось. Наставница не доверяла таким вот высокопоставленным гостям, что приезжают незваными,

демонстрируя власть и силу. Все в нем – от размеренного дыхания и тихого голоса до аккуратно повязанного узла галстука, лакированных ботинок и уложенных волос – вызывало невольный страх, словно находиться рядом с этим человеком было опасно.

– Я ищу девочку, она дочь очень важной особы, – гость буквально сверлил ее глазами. – Девочка из очень обеспеченной семьи и оказалась здесь случайно, – продолжал он.

Наставница выдержала взгляд, но на шаг отступила.

– И как же имя этой девочки? – спросила она, подражая тону незнакомца.

– Не имеет значения, – тот вскинул подбородок, раздраженный расспросами. – Ее имя было изменено.

– А особые приметы? Волосы, глаза, родинки или родимые пятна?

– Ничего такого.

– Как же вы ее найдете? – удивленно развела руками Наставница. – Вы ничего о ней не знаете, как же...

Гость злобно зашипел, заставив умолкнуть Наставницу на полуслове.

– Стоит мне только увидеть ее, и я тут же ее узнаю. Уж поверьте. Она особенная, а особенные дети всегда отличаются, этого невозможно не заметить.

– Боюсь, у нас ее нет, – Наставница умолчала об ослепшей так некстати Змену, которой она велела оставаться в спальне и не спускаться до ужина. Наставница не знала, что Змену уже тайком прокралась в свое убежище на чердаке, так как считала его более надежным укрытием.

– Очень жаль, – незнакомец провел пальцами по тонким шрамам, пересекающим его бровь. – Я оставлю вам свой номер. Позвоните мне, если вдруг что-то выясните, – он протянул ей визитную карточку, и голос его упал до шепота. – Вознаграждение ее родителей будет очень щедрым.

В действительности Баил не собирался платить, но на что способна человеческая жадность, было ему хорошо известно. Он чувствовал раненую ведьму, ясно видел ее след на ступенях. Ему стоило немалой выдержки сохранить самообладание и не ринуться за ней немедленно.

Наставница испытала облегчение, когда неприятный гость уехал из Приюта. Ей еще предстояло решить, что делать со Змену, ведь рано или поздно история с ослепшим ребенком выплывет наружу, а у Наставницы пока не было удобного объяснения этому несчастному случаю. Погруженная в свои мысли, она направилась за девочкой, совсем не замечая крадущегося за ней черного кота.

Баил шел по следу: три лестничных пролета вверх, направо по коридору, через пустой зал и снова по коридору, к зарешеченной лестнице, ведущей на чердак, сквозь прутья решетки. Он был совсем близко, как вдруг чутье ему изменило. Ведьмы на чердаке не было, хотя следы ее были повсюду. Разочарованный Баил принялся, вновь принял человеческий облик, но даже с высоты своего роста он не видел явных следов. Маленькая ведьма была здесь совсем недавно, но куда вдруг исчезла?

* * *

Змену затаила дыхание – шаги раздались совсем рядом. Этот чужак крался так бесшумно, что даже хлипкое старое дерево не скрипело, и в то же время от его шагов в ушах раздавался звон. Змену замерла на вдохе. Сердце забило тревожно и часто – как же громко! Из пустого окна сквозняк потянул пыльную поземку, что-то хрустнуло под каблуком незваного гостя – тот негромко ругнулся и повернул к лестнице, удаляясь. Кроха, зажатый в руках Змену, завозился, высвобождаясь. Чувство опасности отступало.

К вечеру Змену покинула свое укрытие и спустилась в столовую. Поела она в одиночестве и наспех, тайком завернув в салфетку остатки ужина и кусок хлеба, ведь Кроха тоже был голоден. Пряча сверток в кармане, Змену и не знала, что за ней наблюдает внимательный взгляд

двух пожелтевших от времени глаз. Здравый смысл подсказывал Наставнице очевидное: уверенные движения и четкая координация означали, что зрение Змену каким-то образом восстановилось, а пыльные следы на платье и набитые карманы – что девочка нашла себе убежище, какой-то чулан или укромный угол, показавшийся ей безопасным, и теперь прячется там.

Змену была проблемой – слишком независимая и неуправляемая. Вся эта история с потерей зрения создавала определенные трудности, и если бы об этом происшествии узнали в попечительском совете, Наставнице пришлось бы несладко.

Наставница подозревала, кого на самом деле искал сегодняшний посетитель, и потому, когда пришло время сна, спустилась в учительскую, набрала номер телефона, и когда приятный мужской голос в трубке ответил на приветствие, произнесла:

– Кажется, я знаю, о каком ребенке идет речь...

14

«Это сделка, что тут такого? – убеждала себя Наставница. Ей хотелось думать, что она поступает правильно. – Девочка обретет дом, может быть семью. Кто бы еще стал искать потерянного ребенка по приютам и больницам, как не ее родные?» И все же недоброе предчувствие шевельнулось в ее душе, когда она увидела черный автомобиль у ворот Приюта и мужчин, выходящих из него. Все были одеты очень строго: черные костюмы, начищенные до зеркального блеска туфли. Они сухо поздоровались, вошли в приемный зал на первом этаже и расположились на старых диванах. Мебель застонала под их тяжестью, как ветхий плетень под грузом снега – прогнулась, но выдержала.

Наставница, не желая оставаться с ними наедине, отправилась искать Змену. Как она и предполагала, ни в игровой, ни в спальне девочки не оказалось. Тогда Наставница поднялась на третий этаж, но зал для гимнастики и старая библиотека были пусты. Она заглянула в подсобку, но и там стояла тишина. В недоумении она остановилась у лестницы, размышляя, где может прятаться маленькая девочка, как вдруг ее взгляд зацепился за старую решетку. В некой догадке она дотянулась до замка и с силой трянула его, проверяя на прочность. Незакрепленные прутья выпали и жалобно зазвенели по ступеням, открыв зияющий проем. С трудом протиснувшись, Наставница оказалась на лестнице. Где-то наверху послышалась возня – ее услышали. Вступив на чердак, Наставница обвела взглядом нехитрое детское убежище.

– Так, так... Вот значит где ты прячешься!

В ответ ей раздался залиvistый собачий лай. Кроха чувствовал чужого – жаль, он не осознавал опасности в этот раз.

– И собака...

– Это мой щенок. – Отряхнув грязными руками налипший сор с колен, Змену поднялась и вышла из-за покосившейся грифельной доски.

– В Приюте запрещается держать животных. Не говори, что ты этого не знала.

– Я не могла его бросить. Он же был совсем один. – Змену тоскливо вздохнула.

– Что, же, считай тебе повезло, наказывать тебя никто не будет. Пойдем, Змену, у меня для тебя радостные новости! Твоя мама нашлась, она прислала за тобой друзей.

– Вы же знаете, это не правда, – с горечью произнесла девочка. – Это не может быть правдой!

– Довольно глупостей, – Наставница с напускной снисходительностью покачала головой, стараясь придать своему тону мягкости и доброты. – Тебе следует сменить платье, нельзя в таком виде ехать домой.

15

Замок в двери спальни повернулся трижды. Все тише слышались удаляющийся стук каблучков и повизгивание щенка. Змену велено было переодеться – сменить свою пыльную одежду на чинное черно-белое платье, которое на надевала в церковь по воскресеньям.

Солнце едва пробивалось из-за туч. Косые его лучи путались в косматых сизых клубах низко плывущих облаков, деревья немилосердно гнулись под порывами яростного ветра. Тишина Приюта, заполненного детьми, нянечками и наставницами, кухарками и уборщицами, сторожами, кладовщиками, казалась неестественной.

С той самой секунды, как у ворот остановился черный автомобиль, как хлопнули входные двери, впуская чужаков внутрь, зловеющая тишина и холод разнеслись по коридорам и спальням, заглянули в игровые и кладовые. На кухне сам собой угас огонь, кухарки вдруг разом опустили ножи, половники и кастрюли – беспомощно, точно брошенные дети, оглядываясь вокруг и не понимая, что именно изменилось. Замерли нянечки: каждая вдруг устремилась мыслями к печальным закоулкам своего прошлого. Их потери, расставания, позабытые горести вдруг обрушились на них, завладев сознанием. Дети притихли, уняв свои игры, умолк веселый гомон, всех охватило предчувствие беды. Змену словно пронзила мыслью все три этажа, подвал и чердак – и ужаснулась. От тягостных чувств ей стало трудно дышать. Она кинулась к окну, распахнула его и, жадно глотая свежий яростный ветер, вдруг поняла: нужно бежать.

Мгновенно она вошла на подоконник, схватилась за край и свесилась из окна, нащупывая ногами карниз. Держась за оконную раму, она сделала два шага и вжалась в стену. Еще четыре шага, до железного ската. Ухватившись за угол, она смогла перевести дух и оглядеться. Второй этаж – ужасно высоко. Водосточная труба совсем рядом, но она выходит прямо к парадному крыльцу. Если Змену спустится по ней, ее непременно найдут! Страх вдруг накрыл девочку с головой – в отражении распахнутого окна увидела она открывающуюся дверь и знакомую фигуру. Позабыв об осторожности, Змену перелезла через водосточную трубу и, вытянувшись в струнку, замерла, прижавшись к стене. По яростному, злому крику она поняла, что побег обнаружен. Сердце ее наполнилось решимостью и упрямством, а страх быть пойманной перешибил прочие страхи. Преодолев карниз, она спрыгнула на крышу одноэтажного здания прачечной, что примыкала к главному зданию.

Покрытая густым мхом крыша заглушила звук падения, Змену легко перекатилась и встала, прислушиваясь. У привратной будки сторож возился с цепью и ошейником, игнорируя залихватистый гневный лай. Кроха, догадалась Змену. Она торопливо пробежала по скату и беззвучно прыгнула вниз – в самые густые заросли крапивы, – и затаилась, пригибаясь к земле и не чувствуя ожогов. Двор был как на ладони. «Здесь нет безопасного места,» – подумала Змену. Да, зоркий глаз сможет разглядеть выплывший ситец сквозь листья крапивы, и что ей делать тогда, куда бежать? Убежище на чердаке было самым надежным, но и его раскрыли. Змену видела Наставницу в окружении одетых в траурно-черное людей. Она размахивала руками, указывала на окно их спальни – нет, предчувствие Змену не обмануло, искали явно ее. Она ни на секунду не поверила словам Наставницы. Мать бросила ее – Змену это помнила так же четко, как и свое имя. Но при мысли о матери не возникало тревоги, а эти незнакомцы внушали только безотчетный ужас.

Змену медленно подалась назад, и гибко, как кошка, выбралась из крапивы. За углом прачечной она распрямилась. Мысль, пришедшая в голову, была дерзкой и опасной. Единственное место, где сейчас ее не будут искать – спальня. Все сироты должны быть в столовой, в комнаты никто не зайдет. Если...

Змену уже со всех ног летела к черному ходу. Неведомо как ей удалось подняться по старой лестнице, что вела в подсобку, никем не замеченной, – ее искали на улице. Змену отворила дверь, как вдруг раздался легкий звук шагов. Кто-то шел сюда. Змену рванулась к спасительной лестнице – будто лисица из старых сказок, окруженная охотниками, она путала следы. Дверь оглушительно хлопнула за спиной, и Змену застыла, парализованная ужасом, но на лестнице

было пусто. Дверь заскрипела, отворяясь, и хлопнула вновь – да так, что стекла зазвенели. «Сквозняк», – промелькнула в мыслях девочки догадка. Осмелев, Змену поднялась, открыла дверь...

Прямо перед ней стоял Таврик и угрюмо смотрел на нее.

– А, это ты, – как-то бесцветно произнес он. – Тебя все ищут.

16

Охотница из своры донна Бунэ⁵ шла по запаху своего щенка. Кто-то забрал его из логова, кто-то унес ее малыша, и теперь гончая улавливала знакомый родной запах, но нигде не находя явных следов похитителя.

От старой дороги до высохшего ручья, от руин сторожевой башни и до укромных оврагов – везде было пусто. Словно весь четвертый горизонт разом опустел, и даже своры хозяина рыскали вдали от старых троп и логова.

Внезапно что-то привлекло внимание охотницы. Сверху сыпалась пыль, и будь здесь место солнцу, этот поток ярко светился бы в его лучах. Пыль пахла небом, сырой землей, травой и чем-то еще, очень ярким и значимым. В этой пыли лежала поломанная кукла. Платье ее было в бурых подтеках, голова оторвана от туловища. Что-то навязчивое, соленое, могущественное – охотница принялась. Так пахла человеческая кровь, разбрызганная мелкими каплями по дороге. Еще был запах, который привел охотницу в ярость: здесь побывал чужак. Она не пошла бы за чужаком в одиночку, а собрала бы стаю, – но запах пролитой крови не отпускал, вызывая к древним инстинктам гончей и заставляя все прочие устремления.

Потому она воспользовалась старым, ведущим Наверх лазом, о котором теперь знали только немногие. Тесный каменный тоннель вел к солнцу и небу, подобно червоточине пронизывал горизонты и заканчивался ливневым стоком у разбитой асфальтовой дороги.

Охотница выбралась наружу, щурясь от непривычно яркого света. Порыв ветра принес ей тысячи сбивающих с толку запахов. В поле пахло травами, мышами и зайцами, с пригорка – хлебом и печеным хлебом, из-за рощи доносился запах человеческого жилья. У самого лаза отчетливо разило чужаком; черная свалившаяся шерсть отмечала место, где он лежал, но дальше, у дороги и в поле, следы были смыты дождями. Браконьер был здесь давно и ушел вниз, воспользовавшись тропой охотников.

Стая ворон тяжело поднялась в воздух. Хрипло перекрикиваясь меж собой, птицы описали дугу, скрываясь за рощей. Гончая проводила их настороженным взглядом. Дон Бунэ безо всякой жалости сворачивал шеи этим птицам, разведчикам лорда Марбаса⁶, если они попадались ему под руку. Они наверняка заметили что-то важное. Укрываясь в высокой траве и кустах, охотница двинулась вслед за ними.

17

Легкая прогулка, говорил Баил своим детям, славная охота, убеждал он, зовя их с собой. И вот четверо единокровных братьев разгуливали по чужим владениям. Мелкая пыль сыпалась с потолка, паутинка в углу трепетала от сквозняка, а им все казалось, что они слышат приближение хозяина этого охотничьего уголья. И оттого ступали они как можно тише, чтоб

⁵ **Дон Бунэ** – демон, Повелитель Легионов. Согл. средневековым представлениям, появляется в форме дракона, одаряет человека богатством и делает его мудрым и красноречивым, дает правдивые ответы на вопросы. Управляет тридцатью легионами.

⁶ **Лорд Марбас** – демон, Повелитель Легионов. Представал перед вызывающим его в виде льва, мог даровать большую мудрость и знания в искусстве механики. Согл. трактатам по демонологии, он правит тридцатью шестью легионами.

не обнаружить себя. Поиски затягивались, раненая ведьма словно провалилась сквозь девять горизонтов – все следы были старыми.

Как ни приюхивался Баил, нового следа не было. Он уничтожил часть ее души, и она уж точно не могла бы далеко уйти – слепая, искалеченная. Сбитый с толку, он все ломал голову над этой загадкой, размышляя, кто бы мог помочь ей.

Вот уже час сыновья бесцельно петляли по Приюту и примыкающим постройкам во дворе, пытаясь отыскать пропавшую девочку. И Баилу нечего было сказать своим детям, нечем было вознаградить их страх.

Чуткий слух Баила уловил шаг охотника – он был где-то неподалеку. Ужас ручейком расплавленного золота скользнул по спине, заметались в испуге мысли. Охотник шел к Приюту, это было совершенно ясно. Он не торопился. Может быть, им двигало не более чем простое любопытство – но уже совсем скоро он будет здесь.

– Это похоже на ловушку! – Сквозь зубы произнес Сибрѳк, старший брат.

– Верно подмечено, – вторил ему Бѳнгу, средний.

– Тебя обманули, отец! – согласно кивнули Рѳдзу и Гиѳтѳ.

Все четверо собрались в холле, переглянулись и спросили в один голос:

– Уходим?!

Баил тронул пальцами свои шрамы и усмехнулся: если бы его сыновья знали, в какой они опасности, то бежали бы без оглядки.

– Сожгите здесь всё. Сожгите и убирайтесь.

– Будет исполнено, – склонил голову Сиброк, подавая знак братьям следовать за ним.

Они разошлись, и торопливыми были их шаги, осторожными – взгляды. Каждый боялся обернувшись увидеть охотника. И только Баил все мешкал, не желая отказываться от своей цели. Как и всякий демон, он не мог оставить раненую жертву, чья кровь дразнила и манила его.

Жалкие людишки все еще искали Змену, но Баилу не было больше дела до их суеты. Совсем скоро у них будут новые заботы – со стороны прачечной уже поднимался дым. В зверином облике проще отыскать след, и Баил сделался зверем. Бросая недовольные взгляды на небо, где вот-вот грозило появиться солнце, Баил шел упругим кошачьим шагом по двору, втягивая воздух, он искал знакомый дразнящий запах. У самых ворот, у сторожки, он остановился, дрожа от злости и нетерпения: наконец-то его пропажа отыскалась.

18

Забившись вдвоем под старое крыльцо и укрывшись ветхой холстиной, которой в дождливое время застилали поленья, они лежали, прижавшись друг другу – тихонько, как мышата, – пока поиски в Приюте продолжались. Над головами нервно стучали каблуки, легко шлепали детские сандалии, шаркали изношенные сапоги сторожа, а они лежали и беззвучно смеялись – как близка их пропажа! Искали только Змену, до Таврика и дела никому не было. Он никогда никому не был нужен. Песчинка в пустыне чужих забот, один из брошенных, оставленных, позабытых – он молчал все время, что был в Приюте, пока Змену не заговорила с ним. Он не тянулся к солнцу, не смотрел в небо, не играл с другими детьми... Нет, раньше он не знал радости. Его звали – и он покорно шел, ему приказывали – и он подчинялся, а оставляли в покое – так садился на корточки, обхватывал колени руками и сидел, раскачиваясь из стороны в сторону. Казалось, он может так проводить целые часы, ничем не интересуясь и устремив пустой взгляд в одну точку. И только знакомство со Змену все переменяло.

И вот теперь они лежали под серыми досками, и песок со ступеней сыпался на их головы и руки. Голоса постепенно затихли, поиски переместились в дом. Во дворе все смолкло, было слышно, как возятся жуки в щелях фундамента, как трепещут листья на ветру. Змену засу-

нула голову из укрытия – никого. Они выбрались из-под лестницы, бросили холстину внутрь и побежали к кустам, где прятаться, как им казалось, было удобнее всего.

Для Таврика все это было большой игрой: их искали – они прятались. До зарослей – бегом вдоль ограды, до самой сторожевой будки – ползком. Замерли, прислушиваясь: тишина, внутри – никого.

– Вот, он здесь, – махнула рукой Змену. Под навесом на цепи сидел рыжий щенок. Увидев Змену, он завилял хвостом, заскулил, рванувшись навстречу своей хозяйке, все норовил облизать лицо, пока детские слабые пальцы отстегивали ошейник – Кроха прекрасно обходился и без него.

– Змену! – звонко вскрикнул Таврик, указывая на странную фигуру с размытыми очертаниями, приближающуюся к ним широкими прыжками. Через мгновение стали различимы черная густая шерсть, свирепый звериный оскал и злые зелено-желтые глаза.

Змену узнала этого зверя и закричала страшно и отчаянно, но яростный рев заглушил ее крик. Следующим прыжком зверь оказался так близко, что его горячее дыхание коснулось лба Змену, а когти полоснули подол, обратив платье в лохмотья. Змену зажмурилась, но ничего плохого с ней не произошло. Рык зверя сменился пронзительным визгом – в загрохот ему вцепился огромный рыжий пес, взявшийся неведомо откуда. Черный зверь вывернулся, роняя окровавленные клочья шерсти, метнулся в сторону обманном движением. Он снова попытался зацепить Змену, но пес сшиб его грудью, наваливаясь всем телом и придавливая к земле.

Таврик потянул Змену за рукав, увлекая ее за собой.

– Бежим скорее! – крикнул он оцепеневшей подружке.

Прижимая к себе щенка, Змену протиснулась в приоткрытые ворота вслед за Тавриком. Знакомый приютский двор остался позади.

19

Когда Баил нападал в первый раз, он бил наверняка. В день охоты на Змену он использовал старинную пылевую ловушку. Острая пыль подобна воде, падающей вниз, и любую душу, что увязнет в ней, непременно затянет за горизонт. Баил не собирался возвращаться, он был уверен, что ловушка сработает как надо, но план не удался. Больше ловушек у него не осталось, и взять их было неоткуда. Тогда Баил призвал своих сыновей, надеясь, что впятером они отыщут дитя Мотави.

Баил был нелюбимым сыном, с рождения слабым и хилым. Его мать перекидывалась пятнистой кошкой и, лежа в его колыбели, мурлыкала для своего сына бессловесные тихие песни. От нее Баил унаследовал способность, изменяя свой облик, обращаться в кота. Когда же Отец узнал, что его младший сын инкуб⁷, он выгнал свою семнадцатую жену и отвратил свою милость от Баила. Дальше была только нескончаемая опала, ведь для наследника сила – единственный аргумент, а Баил всего лишь слабосильный инкуб. Ни у кого не нашлось для него ни жалости, ни любви, ни сострадания – таков уж нрав рожденных под землей. Оттого-то он боролся так отчаянно, желая выпарапать хоть маленькую толику уважения к себе, но сколько бы он не старался, все труды были бесплодными.

Баил старался быть полезным Отцу – сначала из чувства привязанности и верности, а затем лишь ради собственной выгоды. У инкуба было много работы – той, которую не поручишь никому другому, только незаметному и слабому, такому как Баил. Он добывал тайные сведения, шпионил за своими братьями и отыскивал новых жен для Отца. Время шло, но ничего не менялось. Баил не облачался в меха и бархат королевских мантий, не собирал

⁷ **Инкуб** слабее обычного демона, зато обладает возможностью пребывать в двух формах – звериной и естественной (демонической).

своего двора, не носил никакого оружия. Никто не подбирал ему партию, не звал и общества его не искал. Братья насмехались над ним и гнали прочь, а сестры брезгливо поводили плечами, стоило ему оказаться рядом. И на Великой Охоте⁸ ему, изгою королевской семьи, не было места.

Оттого Баил охотился тайно, рискуя быть пойманным, уповая лишь на свою удачу и хитрость. Но в день, когда Баил напал на Змену впервые, ему не повезло. При виде беззащитной ведьмы Баил поддался азарту, позабыв об опасностях. И в тот миг, когда он уже смаковал свою победу, охотница из своры дона Бунэ вырвала ведьму из его когтей.

Едва Баил выскользнул из захвата охотницы, он бросился в сторону ведьмы, надеясь достать ее. Одной секунды ему хватило бы, чтобы располосовать ей горло и сбежать – прочь, подальше от охотницы. Но гончая дона Бунэ навалилась всем весом, придавив его к земле. Ее челюсти клацнули над ухом. Баил вскрикнул от боли и страха, рванулся вбок, затем дернулся, пытаясь сменить облик и стряхнуть с себя охотницу. Трюк почти сработал – гончая замерла в недоумении, а Баил успел сделать несколько шагов, когда охотница догнала его, ударила лапой и вцепилась в плечо, прокусив его насквозь. Черная ткань костюма промокла от крови. В запредельном усилии Баил скользнул в форму кота и наотмашь ударил охотницу. Гончая невольно разжала челюсти, обескураженная повторным превращением, и Баил бросился наутек.

Испуганный черный кот одним прыжком взлетел на ливневый скат навеса, оттуда перебрался на крышу сторожки, перекинулся, теряя последние силы, и рухнул там в изнеможении.

Охотница, рыча, обошла сторожку, ища способ достать Баила.

Скорчившись в луже собственной крови, Баил завыл в голос, оплакивая свою неудачу. Братья правы, что считают его никчемным инкубом: даже справиться с псиной из своры дона Бунэ ему не по силам.

А двое детей, взявшись за руки, уходили прочь от Приюта по Старой тропе⁹, ведущей на горизонты.

20

Приют остался далеко позади, но страх никак не хотел проходить. До сего дня Змену считала свою слепоту результатом несчастного случая, а черного зверя – обычным котом, которого она толком и не разглядела в пыли. Но теперь сомнений не было: неведомый враг в зверином обличье преследовал ее и хотел убить. Разодранный подол платья был тому доказательством.

Дети пересекли поле, поднялись на пригорок и остановились в тени деревьев, чтобы оглядеться. Никто не гнался за ними, никаких теней и собак видно не было. Уже по-осеннему шумели над головой осиновы кроны, ветер перекатывал зеленые волны травы, солнце проглядывало из-за туч. На ветку разросшегося боярышника сел ворон. Его черные глаза-бусины внимательно следили за детьми.

– Змену, – позвал Таврик. – Змену, что это было?

Девочка пожала плечами, опуская Кроху на землю.

– Я не знаю. Я уже видела этого зверя. Полторы недели назад, когда пропала моя кукла и я... – Змену осеклась.

– Мне страшно. Что нам теперь делать, Змену? – Таврик вцепился в плечо подруги обеими руками, невольно ища ее заступничества и защиты.

⁸ **Великая Охота** – охота за душами. Забава демонов, но не суккуб и тем более инкубов.

⁹ **Старая тропа** – один из многих тайных путей, соединяющих Землю и горизонты. Охотники Повелителей Легионов могут увлекать детей за собой, заманивая их на горизонты.

– Успокойся, Таврик, – как можно мягче и ласковее произнесла Змену, шутливо растрепав ему волосы. – Смотри, здесь тихо и никого нет. Мы в безопасности, все хорошо.

– Мы вернемся в Приют?

Змену покачала головой. Одна мысль о Приюте вызывала страх и тоску. Наставница наверняка занята придумыванием очередного наказания для Змену за ее побег, а где-то рядом бродит страшный враг – худший кошмар наяву.

– Таврик, кажется, отсюда недалеко до церкви и дома пастора. Может быть, если ему все рассказать, он сможет нам помочь?

– Давай! – Таврик закивал и добавил: – В доме пастора нас всегда угощали печеньем. Я такой голодный, что, наверное, съел бы целую банку печенья!

– И я, – вздохнула Змену.

Дети двинулись в сторону сельской церкви, обходя стороной знакомые им дороги. Змену рассчитывала добраться до места за час и не больше, но когда солнце стало клониться к закату, дети поняли, что сбились с пути.

– Давай поднимемся на этот холм, – Змену махнула рукой в сторону высокой громады, поросшей елями и дубами. – Осмотримся, куда это мы забрели.

К вечеру солнце сделалось золотым, вытянуло черные тени деревьев, расцветив алым их листья и стволы, и даже у ворон, рассеявшихся по ветвям, оперение раскрасилось закатными отблесками. Змену прикрыла глаза ладонью, от яркого света перед глазами плясали разноцветные пятна.

Кроха рычал, поглядывая на слетевшихся птиц, а те лишь дразнили его, разевая клювы и топорща перья. Змену пришлось взять его на руки, хотя силы ее были на исходе.

Близ холма отыскалась тропка, и дети, обрадованные, поспешили выйти на нее. Змену приободрилась – идти стало легче, даже Таврик прекратил хныкать. Однако тропа повела их вниз, густые заросли волчьей ягоды и терновника обступили детей зеленой стеной. Все проблески света исчезли, и подступившие сумерки пробудили неясную тревогу.

– Змену! – Таврик остановился в изнеможении. Ему было не по себе от этого места. – Я совсем устал. Давай вернемся, а? – жалобно попросил мальчик.

– Обратно? Так еще дольше идти! Давай посмотрим, куда ведет эта дорога. Она чистая и ухоженная, а раз так, мы скоро найдем где-нибудь жилье и попросим ночлега. – Змену взяла его за руку и улыбнулась самой беззаботной улыбкой, которую только смогла изобразить.

Через сотню шагов тропа превратилась в разбитую дорогу, вымощенную плоским камнем. Сделалось сухо и пыльно, на обочине ни травинки, даже кусты растеряли все листья и стояли иссохшими метелками. Чувство направления подвело Змену, теперь она не могла даже примерно сказать, в какой стороне находится Приют. Непреходящие сумерки сбивали с толку, и во всем, что их окружало, Змену чудилось нечто пугающе-знакомое. Ее беспокойство передавалось Крохе, он ворчал и жался к ногам Змену.

Дорога чуть изогнулась и уперлась в руины невероятно древних построек, в которых угадывался разрушенный замок. От крепостной стены осталась только поросшая мхом полоса, въездная арка ворот да изрядно просевшая квадратная башня.

Во дворе не нашлось ни указателей для путников, ни предупредительных табличек, ни вывесок. В башне были целы лишь дверной проем и стены, за стеной виднелась все та же дорога.

– Ты прав, Таврик, здесь ничего нет, – огорченно пожала плечами Змену. – Идем назад. Поищем другую дорогу.

– Змену, уже так поздно. – Таврик готов был заплакать от усталости и голода. – Давай отдохнем.

Противное воронье карканье нарушило покой руин. Огромные черные птицы расселись на стене – точно зрители, они старались занять местечко получше, ссорясь и щипля друг друга за перья. Одна ворона опустилась на камень рядом с детьми, но Кроха спугнул птицу.

– Какое злое место, – устало произнесла Змену, высматривая подходящий уголок для привала. Истонченной тростинкой нависла арка, угрожая обрушиться в любую секунду, каменный провал в просевшую башню казался логовом страшного зверя.

– Змену, – шепотом позвал Таврик. – Мне кажется, за нами кто-то идет, – он озираясь, больше оглядываясь назад, пожимал плечами и встряхивал головой, пытаясь отогнать неясную тревогу.

Змену прислушалась, холодея от страха. Она ждала, что из-за кустов вот-вот выскочит черный зверь, но на дороге было тихо. Она уже собиралась успокоить Таврика, как вдруг услышала тихий, но явственный звук. Дети вздрогнули и, разом повернув головы, увидели своих преследователей.

– Таврик, – упавшим голосом позвала Змену. – Дай руку!

К ним приближались четверо незнакомцев. Их размытые в сумерках силуэты казались черными и зловещими.

* * *

Пропавшие дымом и копотью сыновья Баила шли старой тропой, изредка оглядываясь, прислушиваясь, нет ли за ними погони. Позади остались полыхающие стены Приюта, безумные крики женщин, вой пожарных сирен, а теперь они слышали лишь эхо своих шагов и тяжелое дыхание друг друга.

Внезапно Сиброк, что шел впереди, остановился, призывно вскинул руку и принялся. Он жадно и глубоко втягивал воздух, а затем на его лице появился злорадный оскал:

– Пахнет как в Приюте, – сообщил он своим братьям. – Должно быть, это след той ведьмы, которую искал наш отец. Представьте, как он вознаградит нас, когда мы принесем ему желаемое.

– А вдруг это западня, брат? – Бангу изобразил сомнение на лице. Ему хватило страха, что он натерпелся в Приюте, чуя приближение охотницы.

– Мы будем осторожны! – пообещал ему Сиброк. Двое младших братьев переглянулись и согласно кивнули. Им хотелось хоть чем-то выделиться перед Баилом, и опасения Бангу они не разделяли.

Старая тропа поднялась на холм, вильнула меж деревьев и пошла вниз, к старинным руинам сторожевой крепости. А у искривленного арочного прохода вдалеке, у разрушенных врат, замерли в ужасе две крошечных детских фигурки. Тогда братья ускорили шаг, и на их лицах заиграли жуткие улыбки, точно звериные оскалы.

Багрянокровые¹⁰ братья сейчас больше чем когда-либо походили на своего отца. В явной тени горизонтов их человеческие черты смазались, еще явственней обнажив все уродство увечных душ.

Радзу, сильнейший из них, ринулся вперед, одним махом преодолев расстояние, отделявшее их от беглецов, и сбил детей с ног. Они были словно пушинки, когда он схватил их за шеи, поднимая в воздух.

– Отец будет нами доволен, – рыкнул он, похваляясь добычей перед братьями. – Он просил одну душу, а мы приведем ему две!

¹⁰ **Багрянокровые** – дети смертных и демонов. Практически ничем не отличаются от людей, кроме ряда не всегда проявляющихся способностей. Смертные дети столь дороги демонам, поскольку обладают тем, в чем самим владыкам горизонтов отказано, т. е. душой.

- Отцу не обязательно знать про вторую душу, – вдумчиво протянул Гиатэ.
- Точно! – поддержал его Радзу. – Давайте кинем жребий, кому достанется...
- Это добыча отца! – рыкнул раздраженно Сиброк. Как самый старший, он привык, что подачки Баила чаще достаются ему. И его злила мысль, что младшие братья хоть в чем-то его обойдут.
- К чему ссоры, братья? – примирительно произнес Бангу. – Сперва мы выберемся отсюда, а уже затем будем делить добычу и награду...
- Эй, а это что? – удивленно воскликнул Сиброк, указывая на рыжего щенка, вцепившегося что есть силы в ботинок Радзу.
- Проклятье Бездны! – Радзу беззлобно пнул щенка, тот высоко подлетел в воздухе и шмякнулся на дорогу с жалобным визгом.
- Кроха, – с отчаянием воскликнула девочка, дернувшись в могучей руке Радзу.
- Смотрите, он ей дорог, давайте разможем ему голову! – Гиатэ занес было ногу над щенком.
- Стой! – крикнул Бангу, останавливая брата. Каждый из сыновей Баила был по-своему одарен. Радзу унаследовал силу демона, Сиброк – обоняние, Гиатэ – слух, ну а Бангу – его изворотливый ум. И потому все прочие братья слушались его, признавая его превосходство.
- Ну что еще, Бангу? – Гиатэ недовольно замер. – Ты портишь все веселье!
- В самом деле, что тебе до ее слез? Она поплачет, мы посмеемся! – встрял Сиброк.
- Откройте глаза шире! – Бангу сжал кулаки, раздражаясь непонятливости братьев. – Это щенок охотницы!
- Тогда тем более нужно убить его!
- А зачем по-вашему в приют наведалься гончая доня Бунэ? За ними ли? – Бангу взмахнул рукой в сторону детей.
- Что ты хочешь сказать, брат? – Радзу перехватил детей поудобнее, отчего те вскрикнули.
- Посмотри, где ты стоишь! На старой нисходящей тропе – еще шаг, и ты уйдешь за горизонт! Такие тропы не для смертных! И вспомните – что сказал отец? Девочка – ведьма! Наверняка это она приманила щенка, а за щенком явилась охотница. И мне совсем не нравится, что это случилось в тот же день, когда за девчонкой пришли мы!
- Мы спаслись, ушли невредимыми, а теперь еще и ведьму поймали! – Сиброк попытался успокоить Бангу – его волосы встали дыбом, как шерсть на загривке испуганного кота. – Чего тебе еще нужно? Все ведь хорошо, брат.
- Ничто так не усыпляет бдительность, как победа. Очнитесь же! Что если охотница идет по ее следу? В таком случае это всего лишь вопрос времени, когда она нагонит нас. И клянусь Бездной, братья, я совсем не хочу испытать на себе ярость этой твари, когда той захочется отомстить за свое отродье!
- И что ты предлагаешь?
- Возьмем с собой, на горизонт. – Бангу поднял щенка, который был до того маленьким, что целиком помещался на его ладони.
- Охотница и там нас нагонит, – с сомнением произнес Гиатэ.
- Мы пойдем через владения лорда Марбаса! Там гончая не станет нападать. Не посмеет! А если же посмеет, мы найдем, чем откупиться. – Бангу встряхнул щенка.

* * *

Голова Змену моталась из стороны в сторону в такт шагам коня. Ее вез Радзу, перекинув через седло и чуть придерживая за пояс. Гиатэ точно так же держал Таврика – братья так

и не сумели решить, кому из них он достанется, и несли его в дар Баилу. Бангу же ехал последним, сжимая в руке бесчувственного Кроху.

Братья двигались так быстро, насколько могли, стараясь не издавать лишних звуков. Их лошади шли быстрым шагом, беззвучно опуская копыта в дорожную пыль. Лорд Марбас был грозным демоном, и его слуги могли потягаться в силе с багрянокровыми детьми Баила. Неожиданность – вот единственное преимущество, на которое надеялся Бангу, отважившись на рискованный переход. Лорд Марбас их не ждал, а значит встреча с его слугами могла быть лишь случайной.

Змену очнулась от сильного толчка – конь Радзу споткнулся, чуть не сбросив седока и его ношу вниз.

– Проклятье Бездны! – громко выругался Радзу, ударив коня плетью. – Хромая кляча!

– Тихо ты! – одернул брата Бангу. – Не можешь дорогу разглядеть? Давай тише, арка совсем рядом! Уйдем на третий горизонт, а там через станцию поднимемся Наверх!

Змену осторожно подняла голову, осматриваясь. Пейзаж вокруг был безжизненным: всюду мелькали серые пыльные холмы с чахлыми поникшими кустами-колючками и искривленными иссохшими деревьями без единого листочка.

Оглушенная и испуганная Змену смутно помнила путешествие. Помнила, как их похитители миновали руины и вошли в разрушенную башню, как отыскиали в ней винтовую лестницу и спускались вниз, казалось, вечность. Как наконец вышли наружу и отыскиали своих приязанных черных коней, и как она пыталась сбежать, когда ее подсаживали в седло. В ярости Радзу сдавил ей горло с такой силой, что она потеряла сознание. А все слабые попытки Таврика выбраться закончились еще в самом начале – у Гиатэ была тяжелая рука.

Воздух сделался холодным. На обочине дороги появились деревья: их мертвые безжизненные стволы словно боролись, обхватив друг друга черным ветвями. И на тех ветвях сидели вороны. Змену посмотрела назад и увидела огромную собаку, что шла за ними, держась на значительном расстоянии. Ее шерсть была рыжей, совсем как у Крохи, а от тяжелых лап в воздух поднимались облачка пыли. Собака явно шла за ними, медленно сокращая расстояние. Она глубоко втягивала воздух, – не то запыхалась после долгой погони, не то принохивалась к чему-то.

Внезапно копыта коней загрохотали по каменным плитам, тяжелое пугающее эхо умножило звуки, казалось, будто целая кавалькада ехала по дороге. Впереди высилась арка с сильно поврежденным каменным остовом.

То, что произошло дальше, заняло считанные секунды. Вороны, недвижно сидевшие на ветвях, сорвались со своих мест и набросились на всадников. Своими крыльями они задевали их головы, стремясь расцарапать лица и руки. Жалобно и пронзительно взвизгнула лошадь Бангу – один из воронов выклевал ей глаз. Братья пытались усидеть в седлах и защитить свои лица. Радзу бешено рычал, размахивая плетью, но вороны были ловчее его.

Рыжая гончая разом потеряла все свое спокойствие – она бросилась к всадникам Быстрая и стремительная, она все же была слишком далеко.

Змену вскрикнула от боли – плетью Радзу обожгла ей руку. Он пытался совладать с обезумевшей лошадью, направить ее в арочный пролет. Но у самой колонны испуганный конь сбросил и седока, и Змену.

Братья выкрикивали проклятья, отмахиваясь от взбесившихся птиц. Бангу изловчился и схватил неосторожную ворону за крыло, и ей на помощь тотчас же устремились ее сородичи. Бангу поднял свободную руку, закрывая глаза, для этого ему пришлось отпустить Кроху. Взвизгнув, щенок упал и ударился о камни, а Змену перекатилась через голову, уклоняясь от копыт мятущихся коней, накрыла его собой.

Пока вороны терзали и клевали всадников и коней, незадачливых похитителей настигла рыжая гончая. Она набросилась на Радзу и сомкнула челюсти на его шее, отчего тот вскрикнул

страшно и громко. Сиброк и Гиатэ кинулись ему на помощь, оставив наконец своих перепуганных коней.

Змену оторвалась от земли. Таврик был совсем рядом – закрывая глаза руками, он кричал от страха. Одной рукой Змену схватила Кроху, другой дотянулась до ладони Таврика.

– Бежим! – крикнула она изо всех сил, увлекая мальчика за собой. Сцепив руки так сильно, что их пальцы побелели, дети бросились вперед по дороге, к арке и спасительным деревьям, меж которых девочка надеялась укрыться. Но в арочном проходе, там, где сошлись в изящном изгибе две колонны, широкая каменная плита под ногами дрогнула, качнулась и опрокинулась, сбрасывая детей в пустоту. Последнее, что увидела Змену в падении, была оскаленная морда рыжей гончей, нависшей над зияющей дырой.

А в следующее мгновение плита с противным треском встала на место, и вороны закружились над ней со злорадным карканьем – старинная ловушка лорда Марбаса захлопнулась.

21

В день похорон Басиат было ужасно сыро. Накануне шел сильный дождь, к утру он стих, но лучше не стало – густой туман окутал всю округу. Баил с трудом скрывал злость и раздражительность: он не любил сырость, да вдобавок у него болело раненое плечо.

Траурная процессия была скромной. Друзей у Басиат не водилось, и за гробом шло всего несколько соседей, домашний доктор и единственная дочь, Мотави. За густой вуалью нельзя было разглядеть лица, но Баил представлял, что черты ее искажены страданием, и это приносило ему мстительное удовлетворение. Появлением своих шрамов – Баил притронулся к рассеченной брови, ощущая пальцами неровность кожи, – он обязан Мотави.

Что же, придет срок, и Баил будет провожать в последний путь уже Мотави – нужно лишь немного подождать. Баил осторожно приблизился к вырытой могиле. Внутри стояла вода, но носильщиков это не смутило, и они опустили обитый бархатом гроб прямоком в лужу. Сверху посыпалась земля – могильщик работал быстро, ему не было дела до скорбящих.

– Какой практичный подход к смерти, – прошептал Баил, наблюдая за тем, как растет могильный холм. – Простота и удобство. Жаль, что нельзя оставить Басиат так.

– Простите, мы знакомы? – Мотави коснулась руки Баила.

– Что? – с презрением произнес Баил.

– Простите. Я не видела вас раньше. Вы знали мою мать?

– Нет, никогда, – Баил отстранился от Мотави и стряхнул несуществующие пылинки с рукава.

Ведьма покачала головой, пробормотала извинения и отвернулась. Немногие знакомые выражали ей свои соболезнования, возлагали цветы на могилу и прощались. Некоторое время Мотави стояла подле могилы одна, затем ушла и она. Баил провожал ведьму взглядом, пока ее силуэт не исчез в густом тумане.

– Она последняя? – спросил высокий женский голос.

Баил чуть повернул голову и кивнул, приветствуя Нимму – свою сестру.

– Да, последняя. Род закончится на ней. – Баил прикрыл глаза, скрывая волнение под напускным равнодушием.

– Ты потерял осторожность, братец, – Нимма обошла свежую могилу. – Раньше ты вздрагивал, если за сотню шагов кто-то ронял булавку, а теперь не слышишь моих шагов.

– Я слышал тебя, – Баил лениво зевнул, прикрывая ладонью рот. Всем видом он выражал скуку. – Слышал и узнал. Туман не дал тебя увидеть.

– А моих слуг ты тоже слышал?

– Четверо, судя по шуму.

– Пятеро.

– Твоя взяла, – сдался Баил. Из всех его родственников Нимма относилась к нему, как к младшему брату, снисходительно. За это Баил испытывал к ней искреннее уважение, хотя Нимма и не заступалась за него перед семьей и никогда ему не помогала.

– Скажу им, пусть начинают.

– Может, стоит выждать? – засомневался Баил. – Хотя бы четверть часа. Вдруг Мотави вернется.

– Не думаю. Этой холодной рыбе и дела нет до усопшей, – Нимма брезгливо дернула щекой.

– Я видел ее иной, – многозначительно протянул Баил, но Нимма его не услышала. Она отдавала распоряжения своим слугам, указывая, откуда стоит начать и куда ссыпать землю.

Через десять минут гроб Басиат был поднят и вскрыт. Нимма склонилась над телом, разглядывая знакомые черты.

– Как отвратительна человеческая старость. Я помню ее совсем другой. Сильной. – Нимма распустила траурную ленту на запястьях покойницы. – Красивой. Кворди сходил по ней с ума, каждый день дарил золотые украшения, а она все брала их и смеялась. И где теперь эта страсть?

– Багрянокровые быстро сгорают, – заметил Баил.

– Зато горят ярче яркого. – Нимма взмахнула рукой, приказывая перенести Басиат в стальной контейнер. – Вот и все.

– А что делать мне? Мотави последняя. Я должен стеречь и ее?

Нимма покачала головой, а затем сказала:

– Отец тобой доволен.

– Ну надо же! – издевательски осклабился Баил, нарочито проводя пальцами по трем белесым полоскам, пересекающим бровь и лоб.

– Ты получил по заслугам, не забывайся! – нахмурилась Нимма. Баил закрыл глаза, утихомиривая свою ярость. – Мотави последняя в роду, так что у тебя больше нет причин для мести.

При этих словах Баил негодуя фыркнул. Глаза его вспыхнули желтым огнем, зрачки сузились в щелочки, кошачье зрение потеряло цвет – впрочем, в тумане все и так выглядело черно-белым. Но он совладал с собой, удержавшись в человеческом обличье.

– Что приказывает Отец? – сквозь зубы проговорил Баил, меняя тему разговора.

– Тебе понравится, братец, – Нимма ухмыльнулась. – Пойдем, мне нужно кое-что тебе передать.

До самой стоянки они шли молча. Баил перебирал в памяти свои мелкие прегрешения, пытаясь понять, смеется над ним демоница или нет. Остановившись у своего минивэна, Нимма жестом пригласила брата внутрь. Тот неохотно повиновался, опасаясь западни и насмешек.

– Отец решил, что ты будешь плохим стражем для Мотави, ей назначат другого. Так что ты свободен от своей службы. Еще Отец передает тебе это. – Нимма протянула ему жезл из кости, украшенный резьбой и укрепленный стальными полосами. – В знак признания твоей усердной службы.

Баил не сдержал изумленного возгласа. Осторожно он прикоснулся к жезлу, не веря своему счастью. Тысячу лет он тщетно вымаливал милости у Отца, но получил желаемое лишь совсем отчаявшись.

– Отец меня признаёт? Да?

– Да, он согласен, что его сын все же может считаться демоном. Но не обольщайся. Отец разрешил тебе присоединиться к братьям на Охоте, но он не велел братьям принять тебя. Бере-

гись их, они не посмотрят ни на жезл душ¹¹, ни на родство. Отберут все, что у тебя есть – и будут правы. Лучше тебе не появляться на четвертом горизонте, пока не накопишь достаточно сил.

– Я буду осторожен! – восторженно заверил сестру Баил. Он веками ждал этого, теперь дело за малым – убедить братьев в своей силе. Пусть на это уйдет время, Баил терпелив, он умеет ждать.

– Осторожен? – Нимма с силой вцепилась в его раненое плечо. Вскрикнув от боли, Баил оттолкнул сестру. – Думал, я не замечу, как ты все время отводишь плечо, как бережешь руку? У тебя все манжеты в крови, ты это называешь осторожностью?

Баил поморщился. В воздухе запахло кровью – Нимма растревожила рану.

– Я все еще жив!

– С кем подрался, котик? – Нимма намерено дразнила его, ей нравилось видеть брата покорным и несчастным. Его смирение было сладким, но жезл душ все испортил: Баил вмиг возомнил себя сильным, равным прочим демонам, и теперь его следовало поставить на место.

– Неважно.

– Серьезно потрепали? Дай погляжу! – она притянула брата к себе и принялась стаскивать с него верхнюю одежду.

Баил нехотя подчинился. Нимма была старше его и сильнее, не стоило пренебрегать ее вниманием.

– Определенно это клыки. – Демоница улыбнулась. – Дай угадаю, ты дремал где-нибудь на солнышке, и тут тебя схватил дворовый пес?

– Почти, – скрипнул зубами Баил. Вспоминать об этом было невыносимо. Цель была близка, манила своей беззащитностью, но все пошло прахом, когда охотница загнала его на крышу сторожки. Со стороны – кошка с собакой, всем горизонтам на смех. Везение оказалось фальшивой монетой.

– Надо промыть рану и перевязать ее как следует.

– Я уже сделал все что нужно. А перевязка мне ни к чему.

– Коты зализывают раны, я слышала. А еще слышала, что демоны умирают от тяжелых ран. Эта тебя не убьет, но страдать будешь долго. С кем сцепился, Баил? Страж с горизонта? Охотник? Может, ты не знаешь, но за браконьерство убивают.

– Если поймают, – угрюмо буркнул Баил. Беспокойство Ниммы было отчасти приятным, не зря сестру за глаза называли нянькой.

Нимма взяла из аптечки бинты, извлекла из сумки какие-то склянки с мазями и бальзамами. Баил прикрыл глаза, стоически терпя болезненные прикосновения. Все же хорошо, что Отец прислал за телом Басиат именно Нимму. Медаго оскорбилась бы таким поручением, но, не смея возражать Отцу, сорвала бы всю злость на слабосильном инкубе.

– Какие новости при дворе?

– Все по-прежнему, – пожала плечами Нимма, вытирая салфетками выступившую кровь. – Кворди поссорился с Лерайе, теперь они охотятся врозь. Но я думаю, это ненадолго. Лерайе не сможет долго жить вдали от двора – значит, будет искать мира. Лорд Аит¹² подался в услужение Отцу.

– Лорд Аит? – Баил поморщился не то от боли, не то от имени демона. – Безземельное перекаати-поле?

– Ну не такое уж и безземельное, – Нимма затянула бинт на плече, завязывая узел.

Баил фыркнул:

– У него нет владений ни на одном из девяти горизонтов.

¹¹ **Жезл душ** – символ власти над легионами. Жезл является распространенной формой хранения переправившейся души. Чем больше душ, тем сильнее и больше Легион, тем могущественнее демон, повелевающий им.

¹² **Лорд Аит** – демон, Повелитель Легионов. Также известен под именами: Ингеним, Идущий в Тенях. Количество подчиненных легионов не известно.

– Зато наверху есть, и много.

– Охоты никакой.

– Он не охотится. Зато хоть какое-то влияние у него есть. А у тебя, Баил, нет никакого. Все, ступай.

Баил повел плечами. Боль потихоньку засыпала, повязка держалась крепко. Он поднес нежную руку Ниммы ко лбу и губам, выражая свою благодарность.

– Свидимся на горизонтах, сестрица.

Баил выбрался из машины, набросил пиджак на плечи. Поднявшийся ветер разогнал туман, но день обещал быть тусклым и пасмурным: тучи стлались по небу от края до края. «Проклятое солнце сегодня не появится», – приободрился Баил.

У выхода с автостоянки он увидел своих сыновей, всех четверых. Судя по их угрюмым лицам, хороших новостей они не принесли.

– Ну? – сурово свел брови Баил, оглядывая своих детей. – С чем пожаловали?

Сиброк, любимец отца, сделал шаг вперед и едва слышно произнес:

– Прости нас, отец, мы подвели тебя.

– Говори уже!

– Мы напали на след ведьмы, шли за ней до самого горизонта, – Сиброк потупил взор.

– Мы схватили ее! Она была у нас в руках! – встрял Радзу.

– И что же случилось? – вкрадчиво поинтересовался Баил, невзначай касаясь своих шрамов на лице. Это уже стало его привычкой: когда Баил сдерживал свою злость, он прикасался к белесым линиям, расчертившим его лоб и бровь.

– Это мой промах, отец, – отважился признать вину Бангу. – Я знал, что за нами идет охотник, знал, но решил идти через горизонты. Мы вышли во владения лорда Марбаса... Мы думали, что охотница дона Бунэ не станет нападать на нас в чужих владениях. Мы шли по сухой реке до путевой арки, и там слуги лорда Марбаса атаковали нас.

– Там были тысячи ворон! – поддакнул Сиброк.

– Никакого спасения, отец!

– И что было дальше? – Баил сложил руки на груди. Его не интересовал ответ, но вид смущенных своих сыновей доставлял ему удовольствие.

– Слуги лорда Марбаса отняли ее у нас.

– Мы едва спаслись.

– Так значит, стая ворон обратила в бегство моих сыновей? – Баил тихонько засмеялся, наслаждаясь смущением багрянокровых.

Злость и боль отступили. Все складывалось как нельзя лучше, удача Баила вновь была с ним. Его сыновья живы – ни псы дона Бунэ, ни вороны лорда Марбаса не навредили им. А что до маленькой ведьмы... Ей не выжить в плену у лорда Марбаса. Так пусть остается в прошлом, со всеми неудачами и огорчениями.

– Баил скоро наполнит жезл душ силой – он даже знает вернейший способ сделать это, не возвращаясь на горизонты. Пока лорд Аит служит Отцу, ему будет не до своих земных владений. Даже если он что-то прознает, то не посмеет поднять руку на сына своего господина.

Баил вдохнул полной грудью, и воздух показался ему пьянюще сладким, планы кружили голову. Впереди только победы и слава.

22

Змену открыла глаза. Вокруг было темно, но темнота была густой как туман и багровой, и в ней можно было что-то разглядеть. Потолка видно не было. Если это и был лаз, то очень глубокий. В ладонь уткнулась собачья мордочка: Кроха был с ней рядом – живой, теплый.

– Куда это мы провалились? – спросила она Таврика. Голос ее дрожал, ужасно хотелось заплакать. Таврик не успел ей ответить, как кто-то наверху произнес ужасно скрипучим голосом:

– Поглядим, что тут на этот раз...

Свежий воздух ворвался в тесную ловушку – над головами вскрылся серый квадрат будто затянутого облаками неба. Сверху на них глядел совершенно невообразимых размеров человек престранного вида. Его огромная соломенная шляпа закрывала лоб, скрывая в тени мелкие блестящие глазки. Длинные заостренные уши торчали сквозь прорезанные дырки в шляпе и были покрыты редкими седыми волосами, наводя мысль о кроличьих ушах. Толстые губы растянулись на все лицо в безобразной ухмылке, открывая полубеззубый рот. Но самым отвратительным в этом человеке – да и был ли это человек? – были не редкие гнилые зубы и не дурная, вся в пятнах кожа, а его взгляд – склизкий, пугающий и омерзительный. Он торопливо облизнулся и схватил Таврика за шиворот, доставая его из ловушки. Таврик беспомощно повис в его огромной руке и только загородил лицо ладонью от этого невыносимо жуткого взгляда.

– Какой сладкий. Молоденький и вкусный!

Змену чуть не стошнило от смрадного запаха, исходившего от этого великана. Она вжалась в самый угол ловушки в ожидании неминуемой беды, но великан опустил Таврика обратно и закрыл крышку. Звуки стали чуть приглушенными, снаружи зашуршало, стены вздрогнули, и ловушку порядочно потряхнуло. По пересекающимся полосам тусклого света и прутьям, сквозь которые просвечивали очертания дороги и деревьев, Змену поняла, что они находятся в большом коробе.

– Мне просто снится кошмарный сон, – шептал Таврик, – и я никак не могу проснуться. – Он лежал на полу и зажимал рукам уши. Корзину плавно раскачивало из стороны в сторону – их куда-то несли.

Кроха глухо рычал и царапал дно когтями. Змену прижалась к Таврику, от отчаяния и страха все мысли исчезли, в реальность происходящего верилось с трудом. Таврик прав, это лишь сон. Черный зверь, побег из Приюта, уродливый великан – это всё сказки, мучительный кошмар, от которого вот-вот очнешься, и все делается хорошо.

Великан нес плетеную клетку на спине, но она была слишком крупна для него, и он сильно пригибался к земле, чтоб сохранить равновесие. В этом были виноваты слишком длинные конечности, тонкие, несоразмерные телу ноги и руки – угловатые и жилистые, как у гигантского паука. Хотя рост его был не таким уж и выдающимся, для детей он был огромным и ужасающе страшным. Он что-то мурлыкал себе под нос, совершенно жуткое для слуха детей, и настроение у него было отличное. Одна из ловушек сработала, и ему повезло достать добычу первым. Улахи был плохим охотником, но вполне удачливым браконьером: он знал, как незаметно подменить капканы, как запутать следы и как прятаться от загонщиков лорда Марбаса. За двух здоровых детей на рынке дадут отличную цену – если он, конечно, не передумает и не оставит их себе – ну или хотя бы мальчика. У него уже давно не было рабов.

Вот уже третью сотню лет, а может и дольше, ведь на горизонтах время считать непросто, Улахи ходил одной и той же дорогой – от могильника лорда Марбаса до далеких топей, где жил он сам. Он был калек и людоедом, он был болен, почти немощен. Он скрывался от чужих взглядов, изредка выбираясь из своей хижины проверить силки. Вот где-то неподалеку звякнул серебряный колокольчик, и Улахи схватил палку – отгонять бродячих тварей, – надел истершийся меховой жилет и вышел в путь. Такой удачи ему давно не выпадало. Он напевал позабытую мелодию и изредка встряхивал корзину, с удовольствием ощущая ее живую тяжесть. Улахи не видел стремительную тень, что следовала за ним с холма на холм и уже нагоняла его, приближаясь огромными скачками.

Короб ощутимо потряхнуло.

– Пошел прочь! Пошел!.. – услышали пленники приглушенный вскрик великана, затем короб сильно мотнуло в сторону, и дети выставили руки, пытаясь удержаться в головокружительной тряске. Короб грохнулся наземь, перевернулся набок, и плетеная крышка откинулась, выпуская детей наружу.

Великан размахивал своим посохом и отчаянно кричал – прямо перед ним, преградив путь, рычала и скалилась здоровенная рыжая собака. Змену узнала ее и испугалась еще сильнее. Дети схватились за руки и побежали прочь, не разбирая пути. Камни, валуны, пыльные сухие колючки и кусты ломались под ногами, сыпались вниз пыльным потоком, но великану и рыжей гончей не было дела до беглецов. Когда фигура великана исчезла за камнями и его голос стих, дети упали на землю, переводя дух.

– Я не знаю, где мы, но надо отсюда выбираться, – Таврик потирал ссаженные ладони.

Кроме груды серого щебня по обе стороны от дороги и валунов ничего вокруг не было. Ни кустика, ни травинки. Над головами нависла тревожная серая пелена, похожая на низкое облако, готовое вот-вот пролиться страшным дождем, но в воздухе было сухо и пыльно.

Они брели вперед, взявшись за руки. Кроха чуть прихрамывал, но держался бодро. Пережитый ужас отступал, но Змену было совершенно ясно, что их история зашла так далеко, что нельзя ничего предугадать или представить, и ждать стоит лишь новых неприятностей.

Дорога, мощенная плоским камнем, была достаточно ровной. За их спинами бесшумно ступала рыжая охотница, ничем не выдавая себя. Но дети, изнуренные волнениями и страхом, не оглядывались.

Слева зажегся зеленый огонек, и Змену остановилась, опасаясь новых ловушек. Кроха недовольно заворчал, и только Таврик, спотыкаясь и запинаясь, шел вперед. От голода и усталости он с трудом передвигал ноги. Справа зажегся еще один огонек, чуть ярче, а потом еще, и еще. Чем больше Змену глядела на них, тем больше их становилось. Она побежала за Тавриком, а впереди загорались новые зеленые огни – маленькие, тусклые.

– Таврик, мне все это не нравится, слышишь, Таврик! – с тревогой протянула Змену, но он не слышал ее.

Змену вздрогнула – перед ней на дорогу выскочила рыжая гончая, закрывая от огней и не давая пройти.

Таврик все же остановился. Он не видел никаких огоньков. Перед ним стояла белокурая женщина в летнем синем платье. Она изящно откинула волосы назад и протянула руки к Таврику.

– Мама? Это ты? Правда? – просипел Таврик.

Женщина кивнула в ответ и улыбнулась.

– Змену, ты была права! – одурев от радости, вскрикнул Таврик. – Моя мама меня нашла!

Он потянулся к матери, пытаясь ее обнять.

А Змену увидела, как зеленые огоньки обступили их со всех сторон и как Таврик потянулся к самому ближнему. Она крикнула:

– Стой!

Но было поздно.

Откуда-то сверху, с кучи битого камня, метнулась крылатая тень – слишком стремительная, чтобы различить ее очертания, – за ней еще одна. Они кинулись на Таврика, злобно каркая, отгородили его от Змену, закружились темным вихрем, и спустя миг исчезли вместе с мальчиком. А зеленые огоньки погасли, будто порыв ветра в единый миг потушил их пламя. Перед Змену была пустая дорога, ведущая куда-то вверх, валуны и груды камней по обочинам, Кроха да рыжий пес.

Дорога поднималась вверх, становясь все круче, пока не уперлась в огромные железные ворота посреди цельного куска скалы. Змену остановилась, раздумывая, как поступить дальше. Никогда прежде она не видела ничего подобного.

Рыжая гончая обошла ее и встала у самых ворот, выжидая. Двери с тягучим скрипом открылись, и собака вошла внутрь. Кроха бесстрашно последовал за ней. Коротко поразмыслив, Змену вздохнула и шагнула вперед.

Ей открылся просторный мощеный двор и красивая высокая аркада, за которой был еще один двор – узкий, с колоннами, неработающим фонтаном и корявым уродливым остовом дерева. Коридор, скрытый за колоннами, был завешен черными полотнищами, трепетавшими от легкого ветра.

Гончая осторожно схватила Кроху зубами за шкурку и понесла вперед. Змену запоздало ринулась за ними во второй двор, но прежде чем она достигла фонтана, мир стремительно потемнел вокруг, и ей остался лишь слух.

Где-то за спиной раздалось цоканье, мерно и гулко железо ударило о камень, подбираясь все ближе и ближе и остановившись совсем рядом со Змену. Что-то огромное нависло над ней, Змену слышала тяжелое дыхание. В воздухе запахло серой.

– Так-так, у меня гости, – произнес низкий голос.

Что-то заскрипело и глухо ударилось о камни, а затем Змену почувствовала, как на ее плечо легла тяжелая ладонь.

– Вы из Приюта? – рассеяно спросила девочка.

Ей, наверное, стоило бы бояться, но она устала, и оттого страха в ней совсем не осталось. Она рассеянно подумала, что у сгинувших похитителей не достало бы ни терпения, ни достоинства так с ней разговаривать, они были злы и жестоки, – а этому незнакомому голосу хотелось довериться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.